

Аркадий Застырен

КРОВЬ И СВЕТ ГАЛАГАРА

Аркадий Застырец
Кровь и свет Галагара

«Издательские решения»

1993

Застырец А.

Кровь и свет Галагара / А. Застырец — «Издательские решения»,
1993

Первая книга о приключениях юного галагарского царевича – слепорожденного Ур Фты и его верных боевых товарищей – крылатого Кин Лакка, могучего Нодаля, загадочного Трацара. Классическая фэнтези, реконструкция эпоса, рожденного чужим миром со всеми его реалиями – материальными, ментальными, языковыми и этическими. Интересна, прежде всего, тем, что освоение чуждого мира решается на уровне языка – как переводческая задача. Главы из романа опубликованы в 1994 г. в журнале «Уральский Следопыт».

© Застырец А., 1993

© Издательские решения, 1993

Содержание

ПЕРВЫЙ УРПРАН	5
ВТОРОЙ УРПРАН	11
ТРЕТИЙ УРПРАН	22
ЧЕТВЕРТЫЙ УРПРАН	30
ПЯТЫЙ УРПРАН	42
ШЕСТОЙ УРПРАН	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Аркадий Застырец

Кровь и свет Галагара

ПЕРВЫЙ УРПРАН

Исполнившийся неизъяснимого трепета над нежным розоватым раздвоенным ростком в грядущем могучей стальноствольной айолы не больше ли того изумится, когда сквозь толщу тончайших преград проникнет в тайну набухшего семени? Взойдя ж в разумении своем по ступеням бесконечного предшества, и вовсе обомлеешь в попытках постигнуть ведающего начало всех начал.

Так отступим с благоговением и начнем, откуда начнется, ибо не всеведущ рассказчик и не сведущ внимающий ему. Заслонив ладонью хрупкий росток, подхватим разрешившееся семя под корни, чтобы перенести его в новую почву, и не станем напрасно тратить время в попытках открыть тайну тайн. Скажем запросто: здесь начинается книга. И вот тебе шаги для разбега, прежде чем устремись от урпрана к урпану. Ведь ты никогда не бывал в Галагаре.

За пятьдесят восемь зим до начала описываемых здесь событий Великий Восточный Край объединился под властью Нотроца Справедливого, сломившего последнее сопротивление и загнавшего мятежное войско Астола в Золотистое болото. Прочный мир обеспечило мудрое правление в землях, простирающихся от подножия неприступных гор Ло до Бурой чащобы. Мер, Хакор и Лифаст путем любви, обмена и бескровных приключений быстро достигли достатка и процветания.

Южный Край от берегов Силитора до хребта Шо четырнадцать зим спустя вывел из плени распрей юный вождь из рода айзурских дарратов по имени Син Ур. Ему-то и подчинились жители Гатора Холтийского, Саина и Миглы, Ивора и Глиона, готовые по первому зову Син Ура, нареченного Белобровым, отстаивать в бою границы и всякую пользу Цлиянского царства, неотрывными частями коего сделались все эти города и прилежащие земли.

Син Ур заключил мир с Форлийским царством, образовавшимся незадолго до этого в Северной Земле, когда крылатые форлы спустились из своих высокогорных кохулов и, отвоевав этот плодородный край у четырех племен, полностью ими уничтоженных, сделали своей столицей Желтостенный Корлоган.

Примерно в то же время к западу от Шо появилось могучее Крианское царство со столицей в Саркате. Властелин его по имени Цфанк Шан, поддерживая перемирие с Миргалией на севере и Тсаарнией на юге, за сорок одну зиму до начала описываемых событий привел свои корабли вверх по течению Кора под стены форлийской столицы. Благодаря коварству Цфанк Шана и несчастной судьбе крылатого племени, криане завоевали Северную Землю, истребив всех до единого форлов.

Четырнадцать зим спустя, крианские войска вошли в Сарфо и подчинили Саркату Тсаарнское царство, уничтожив правившую там династию и посадив в тсаарнской столице крианского наместника.

А еще через пять зим воодушевленный легкой победой и возросшим могуществом Цфанк Шан при помощи своего флота захватил цлиянские острова в Зеленом море и атаковал цлиянские корабли в бухте Коллара. Разбив цлиян на море, криане пересекли Пограничную степь, отделявшую царство Цди от бывшей Форлии, столкнулись с цлиянским войском у берегов Асиалы и проиграли большое сражение на Плаунном лугу.

Укбатский мир на время укрепил шаткое равновесие между царствами Кри и Цди. По условиям договора цлияне лишились военного флота в Зеленом море и стремительно нара-

щивали свои сухопутные силы. Так или иначе, оба могущественных царства готовились к неизбежной войне.

За семнадцать зим до ее начала цлиянский царь Син Ур Белобровый испытал глубокую скорбь и великую радость. Его возлюбленная супруга Синезубая Дан Бат умерла родами и подарила царю наследника, нареченного именем Фта. Этим событием открывается первый урпран книги «Кровь и свет Галагара».

Накануне рождения царевича Ур Фты было, говорят, в различных местах повсюду в Галагаре немало предзнаменований. Зерварское море у восточного берега вздыбилось белой волной высотой с хорошую гору, а на гребне ее, блистая в солнечных лучах красными плавниками и черной чешуей, плясало и извивалось невиданное чудище. В озеро Ях упала зеленая звезда, и до утра светились воды таинственным светом, поднимавшимся из глубины. Одну из горных долин Шо заполонили неведомо откуда прилетевшие стаи птиц с ослепительным опереньем: уничтожив добрую половину урожая, они взмыли в воздух и навсегда исчезли, подобно закатному облаку, чьи золото и пурпур под вечер плавают и тают на горизонте. Те, кому довелось своими глазами видеть странные вещи, только дивились и ужасались, и не знали, чего ожидать.

Цлиянский царь Белобровый Син Ур даже не взглянул на новорожденного. Не сдержав рыданий, он сотворил адлигалу, грудью пал на смертное ложе своей возлюбленной супруги Синезубой Дан Бат и обнял ее – словно хотел удержать на пороге вечного мрака. Но смерть уже одолела прекрасную царицу и проложила ей дорогу в Бездвижный Пустой Океан.

– Велика наша скорбь, непобедимый царь, но велика и радость, – сказал тогда мудрый советник Од Лат, приподнимая на вытянутых руках крепкого младенца, сразу, на диво собравшимся, широко раскрывшего большие темные глаза. – Дан Бат родила тебе сына.

– Фта, Фта ему имя! – воскликнул Син Ур, едва взглянув на наследника.

(Можно предположить, что Фта – имя, неразрывно связанное с какими-то скорбными событиями из истории айзурских дарратов. – А. З.)

В тот же лум советник Од Лат, заподозрив недоброе, поднес младенца к полыхающему факелу, пристально взгляделся в его необыкновенные глаза, поводил перед ними ладонью и скорбно запричитал: – О, горе, горе всем нам, великий царь! Наследник Ур Фта родился слепым!

Ни мудрый советник, ни потрясенно притихшие вокруг приближенные и родичи царя, ни сам цлиянский повелитель не знали истинной причины постигшего их несчастья. Син Ур выпрямился, подошел, тяжело ступая, к высокому окну и распахнул ставни. Не слыша рыданий, криков и плача, наполнивших покой, великий царь простер бестрепетную руку на восток и обратился со словом упрека и бесконечной печали к самому дварту Су Ану, щедрому и благородному покровителю Цли. Слово Син Ура было тщательно записано советником Од Латом.

Начальные строки его таковы:

Вот пора, когда горю не загородишь дороги;
Вот и радости пора, прекрасная, как ясный рассвет.
Приговоров судьбы не оспоришь, как бы ни были строги,
Воля дварта – закон, силы выше которого нет.
Но случилась пора – гаварду упрямому пара.
Принял радость – вдел в правое стремя ступню,
Сел верхом и в левое стремя ступил – принял горе!
Что же делать теперь? Как выполнить волю твою?
О Су Ан, где же путь и поводья?..

Так говорил Син Ур, и всяк в Айзуре всей душой вторил ему.

Внимал его Слово и великодушный Су Ан. Ведомы были ему горести Цлиянского царства. И напрасны были упреки, тщетны были вопросы, посылаемые ему Син Уром. Ибо Су Ан в это самое время сошелся в поединке с заклятым и злобным своим врагом, чернородным двартом Ра Оном, чьи вредные козни и страшные заклинания умертвили прекрасную царицу Дан Бат и едва не лишили жизни рожденного ею наследника. Загодя открылось чернородному дварту, что первенец Син Ура станет могучим витязем и единственным существом во всем Галагаре, способным его умертвить. И задумал Ра Он уничтожить грядущую погибель в колыбели. Тут-то и стал у него на пути могучий Су Ан. Высоко в горах Шо на цветущем Лиглонном лугу встретились дварты с угрозами и проклятиями, и не сразу, но все-таки сошлись на одном: стяжавший победу в предстоящем поединке получит право распоряжаться жизнью цлиянского наследника. На этом настоял Ра Он, и его могучий, уверенный в победе противник, сознавая унижительность дальнейших препирательств, наконец, твердо произнес:

– Я принимаю твое условие, синеокий обманщик, исчадь Мокморы, и, хотя не в силах, в отличие от новорожденного Ур Фты, предать тебя смерти – по крайней мере, сумею загнать твое грязное тело в землю до самого подбородка и выиграю поединок.

– Сперва, ублюдок, тебе придется на коленях сползти по склонам Шо, куда я заброшу тебя в четверть лума, – отвечал зловредный дварт, не без опаски посверкивая мертвенно-синими глазами.

– Тому, кто не владеет силой тайного слова, только и остается – изрыгать грубую брань да пустые угрозы, – сказал на это Су Ан. – Однако, ты не стоял предо мною, как теперь, без малого четыреста зим. Быть может, за это время у тебя накопилось несколько новых фокусов? Так показывай мне их скорее, чем упражняться в болтовне! Я просто сгораю от любопытства!

– От любопытства или от чего другого – желаю тебе сгореть дотла, и как можно скорее! – не унимался Ра Он.

Наконец, взмыв над лугом на высоту не менее уктаса, соперники разлетелись в противоположные стороны, развернулись и ринулись навстречу враг врагу. На лету, явившись с легким хлопком, прыгнул в когтистую пятерню Ра Она короткий стальной трезубец, чьи беспощадные острия формой напоминали концы гигантских рыболовных крючков. Захочотав подобно матерому хаци, Ра Он метнул свой трезубец, нацеленный прямо в грудь Су Ану, за сорок керпитов. Но тот, даже не стараясь увернуться, в свою очередь кинул в противника точно такой же, отметил царапинами панцирь Ра Она и сбил его с ног. Что же до первого трезубца – Су Ан пропустил его через себя, и он, извиваясь и визжа, ушел в землю за спиной всесильного дварта.

Едва коснувшись земли, разъяренный Ра Он взмыл вверх на несколько керпитов, завис брюхом книзу, вытянул растопыренные пальцы по направлению к Су Ану и, сжимая и разжимая их, принялся выпускать в него каменные шары. Они летели один за другим, словно камнепад, чудом изменивший направление. Но Су Ан, не двигаясь, встречал летящие камни молниеносными движениями прямых указательных пальцев. Десятки увесистых шаров лопались как пузырьки прибрежной пены, так и не достигая цели.

Очень скоро эта бессмысленная игра наскучила зловредному дварту, и он неожиданно ринулся вниз. Выпрямившись в рост на широко расставленных ногах, Ра Он задрожал и завыл, словно стоя голодных порсков. Из рта у него показалось нечто безобразное, изжелта-белесое, липкое и тягучее – будто побледнел и вывалился язык. В следующий лум он уцепился когтями за нижний край порожденной им бесформенной мерзости и растянул ее – сначала до размеров тсаарнской тонкой корсовой лепешки, а затем, не останавливаясь, – до величины большого плаща или покрывала. Завершив эту пакостную работу, Ра Он вдруг скомкал ее плод и со свистом швырнул его в Су Ана, словно мяч для игры в бозабар. На лету белесый комок ожил, развернулся и с отвратительным шелестом окутал светлую фигуру благородного дварта с ног до головы. Су Ан даже пальцем не пошевелил, и его ненавистник уже разразился торжествующим хохотом, но тут же умолк, в злобном изумлении наблюдая за тем, как рядом с фигурой,

окутанной мерзким покрывалом, уже окаменевшим в кристальном блеске, появляется, будто солнце из завесы утреннего тумана, подлинный Су Ан во всем блеске и великолепии своего расшитого ослепительно-радужными лоэрагдами пышного таглона.

Благородный дварт легонько дунул на окаменевшее покрывало, повторившее его очертания, – и оно рассыпалось в мельчайшую серебристую пыль. По мановению руки Су Ана облачко этой чудесной пыли вытянулось, приняв форму копья с двумя пирамидальными щитками и ромбовидным наконечником. Чудесное копье с быстротою молнии устремилось прямо в поганое лицо чернородного дварта – и тот коротко взвыл, уже от бессилия и отчаянной злости. Но копье, достигнув цели не причинило ему особого вреда – вновь рассыпалось пылью, лишь запорошившей глаза чернородному дварту и ослепившей его на несколько лумов. Однако Су Ан не спешил воспользоваться возникшим от этого преимуществом – он стоял неподвижно и удовлетворенно улыбался.

Разъяренный Ра Он немедленно, как только протер глаза, возобновил атаку. На сей раз, что-то пробормотав себе под нос, он щелкнул когтистыми пальцами у себя над теменем – и в тот же лум рядом с Ра Оном выросла прямо из земли его точная копия. Когда он щелкнул второй раз, копия, подобно зеркальному отражению, повторила его жест, и теперь против Су Ана стояли четыре чернородных дварта. Раздался новый щелчок – и Ра Он предстал в восьми одинаковых лицах, еще один – и их стало шестнадцать. В считанные лумы горизонт, простиравшийся перед Су Аном, заполнила целая армия Ра Онов. Заполнила – и двинулась на него, обступая со всех сторон. Кольцо стремительно и грозно сжималось. На расстоянии не более уктаса в руках бесчисленных монстров разом сверкнула смертоносная сталь тяжелых крианских зайгалов. Казалось, ничто не может спасти благородного дварта и затмевающие блеском свет солнца клинки вот-вот обрушатся на его гордую голову, покрытую лишь ниспадающим голубым оперением. Но в самый последний лум Су Ан, презрительно скривив губы, плюнул четырежды – прямо перед собой, влево, вправо и назад через левое плечо. И вокруг него выросла стена ревущего белого пламени до пояса высотой. Языки неумолимого огня сразу же перекинулись на призрачное войско, составленное из двойников Ра Она, взметнулись к небесам невыносимые визг и стон – и наваждение растаяло без следа еще внезапнее, чем появилось. И только подлинник чернородного дварта остался стоять перед Су Аном и вынужден был продолжать поединок.

Он перекувырнулся через голову и, когда встал на землю, уже вращал, словно мельница крыльями в ураган, двумя длинными тонкими мечами. Су Ан не стал дожидаться его приближения и сам двинулся навстречь врагу с таким же, что и у него, оружием в руках. Две сверкающие на солнце свистящие стальные мельницы со звоном столкнулись, разным отпрянули, взлетели и вновь столкнулись. Внезапно движение прекратилось. Мечи скрестились и словно срослись. Поединщики застыли лицом к лицу, изрыгая холодное переливчатое пламя.

– Жалкий трус! – Прошипел Ра Он. – Ты огражден своими чарами, которые, как всякому известно, сильнее моих!

– Никому и никогда не давал повода Су Ан называть себя трусом! – Едва сдерживая гнев, ответил Су Ан. – Если ты полагаешь, что без помощи чар мы будем сражаться на равных – что ж, на время откажемся от них оба.

– Согласен. Откажемся оба, – выдал из себя Ра Он, и в тот же лум и гений Су Ана, и бес его противника – прозрачной леверкой и темным мохнатым индригом – взлетели над головами своих хозяев. Оружием в последней схватке стали боевые топоры: простые, без украшений и магических надписей, они взмыли над Лиглонным лугом на длинных ребристых рукоятях, словно две неполные луны.

Первым атаковал Ра Он, дважды подряд используя прием «Крест и крюк». Развернув туловище и слегка пригнувшись, Су Ан сперва ответил защитой «Золотая петля», повторную атаку отбил «Вертикальным мостом» и, перебросив топор в левую руку, сделал стремительный

выпад «Зуб гаварда». На свое счастье Ра Он угадал направление удара и, пользуясь положением противника, провел «Косящее крыло», рассчитывая задеть его ноги. Но Су Ан вовремя успел подпрыгнуть и одновременно занес топор над головой, чтобы ударить врага в темя способом «Солнце и колокольня». Однако Ра Он упал ничком, откатился вправо, вскочил и попытался уйти из поля зрения Су Ана и ударить его в спину, завершив таким образом прием «Луч, падающий в ущелье». Слишком поздно он сообразил, что его расчет оказался неверным – только когда сам на целый лум потерял противника из виду. Медлительно слово – стремительно дело. Но коварный и трусливый Ра Он успел пробормотать «Ребев-ребем» и вернуть себе колдовскую силу до того, как Су Ан обрушил на него сокрушительный удар.

Словно сквозь мякоть перспелого хирдрифа, прошел топор благородного дварта сквозь тело Ра Она, не причинив тому ни малейшего вреда. В тот же лум злокозненный обманщик, принявший обличье чудовищного цери, хвостом сбил с ног изумленного предательством Су Ана, наступил на его топор огромной лапой и взревел, мотнув игольчатой головой:

– Моя победа, жалкий Су Ан! Смерть тебе, Ур Фта, выродок Син Ура!

Между тем, прозрачная леверка вернулась в сердце Су Ана, и он возвысил гневный голос:

– Твой обман! Твое беззаконие, гнусный Ра Он! Жизнь и счастье тебе, Ур Фта, великолепный наследник Син Ура!

Трижды пытался Ра Он силою страшных таинственных заклинаний умертвить наследника Ур Фту, и трижды великий Су Ан загонял слова зловердного дварта обратно ему в глотку. Наконец, тот уразумел, что смертоносные заклатья, начинающиеся словом «мо», не будут иметь силы в результате обманом вырванной «победы», и прошептал новое заклинание. На этот раз первым Ра Он произнес слово «ыт». А еще говорят, будто было им сказано и такое: «марах», «кор», «цоф», «терец», «талам»... Но в каком порядке проговорил он эти и проговорил ли другие ужасные слова – никому не известно. Вот и ослеп наследник Ур Фта. А его родитель, могучий витязь Син Ур завел бесконечно печальные речи. Говорил он тогда:

Если свет от наследника скрыло злое слово
Из пасти вылетев смрадной, на черной вскипев крови,
Справь, ослабь и расславь силу слова злого,
Силу доброго крова в ответ на злодейство яви!..

Тем временем Ра Он взмыл над Лиглонным лугом и, с хохотом вкрутившись в лиловую тучу, собравшуюся на горизонте, исчез. Су Ан побледнел и, наморщив лоб, уставился в эту тучу, выраставшую у него на глазах и круто закипавшую громадными темными клубами.

– Слово мое вмиг догонит Ра Она в любом уголке Галагара, – произнес он задумчиво, как бы отвечая мольбам и пеням Син Ура, хотя и знал, что тот, находясь за тысячу атроров, не может его услышать. – Но злодей угадал секрет заклинания и отказался от начального «мо». Увы, его закланию суждено сбыться. Слепота уже поразила младенца Ур Фту, и освободиться от нее сразу ему не удастся. Теперь в моих силах лишь назначить условие его непременного прозрения.

И великий дварт Су Ан произнес новое заклинание. Будто бы и такие слова: «фаладар», «лац», «токомор», «цефьер», «скох», «оклиамала»... А может, и не то, может, иные какие никому не ведомые тайные звуки.

В тот же лум предгрозовую тьму над Лиглонным лугом рассеяло блеском молний, громом прорвало сгустившийся воздух – и заросли желтых и розовых лиглонов прибило к земле хлынувшим ливнем. Так что последних слов Су Ана не расслышал бы никто, доведись ему даже стоять совсем близко. Благородный дварт улыбнулся чему-то своему и не стал пользоваться своей чудесной силой, не поспешил укрыться от проливного дождя. Так и побрел напрямик

по Лиглонному лугу, в три лума промокший до нитки, объятый светом великолепных лэраг-дов, пламенеющих в блеске молний.

А в чистом небе над Айзуром сияло покуда щедрое солнце, и единственным из цлиян, не видевшим его ослепительно-белого света, был маленький Ур Фта. Он ловил свои ножки всеми четырьмя ручонками и нечаянно улыбался, а над его ложем голосили и плакали безутешные мамки.

Утопая в этом плаче, и завершается первый урпран книги «Кровь и свет Галагара».

ВТОРОЙ УРПРАН

Семнадцать лет спустя, отряды воинов съехались со всего Цлиянского царства в столицу Айзур для участия в весеннем торжестве. Ночью накануне светлого праздника Золоват всюду под стенами Айзура полыхали костры. Со всех концов Цлиянского царства продолжали прибывать отряды. Скрипели повозки, раздавались крики всадников и возничих, рычание гавардов и хлопанье поднимающихся шатровых полотнищ. Зрелище это и шум были по сердцу Белобровому Син Уру. Да и кому в Айзуре не нравилась эта ночь? Ведь можно было сравнить ее с огромным черным в сияющих звездах флагом впереди свадебной процессии. Там, за спиной у развернувшего флаг на волны ветра пестреет нарядная толпа, режут зулы и рокохут гаргасты, там – ни на миг не избытое, но уже неотвратимое счастье.

Наследник престола, мужавший во тьме слепоты, не мог вполне разделить эту радость и любовь сородичей к чудесному празднику. Но и он, подобно всем цлиянским юношам, мечтал о том, как примет участие в праздничных поединках, с честью пройдет испытания и будет посвящен в воины.

Син Ур сделал все возможное, чтобы хоть как-то восполнить роковой недостаток. Он подобрал для сына лучших наставников, и те научили его пользоваться слухом как зрением и не чувствовать себя беспомощным в схватке. К своим семнадцати зимам Ур Фта хорошо держался в седле, на звук стрелял из лука, изучил все приемы владения мечом, топором, триострым цохлараном, коротким и длинным копьями и еще добрым десятком видов оружия, включая булаву, серп, крианский зайгал и разного рода кинжалы.

Но отец, хотя и видел его успехи, подмечал также малейшие слабости и ошибки. Болью отзывалось на них его сердце. Боясь позора, великий царь не допускал Ур Фту к испытаниям. Он давно убедил наследника в том, что тот появился на свет двумя зимами позднее, нежели в самом деле, и тщательно старался отвлечь его от празднеств Золовата.

На сей раз великий царь позволил сыну отправиться на охоту в горы Шо, и Ур Фта с нетерпением ждал праздничного утра, когда он во главе отряда пятнадцатилетних юнцов, коих считал своими ровесниками, впервые отправится за ворота Айзура без присмотра наставников.

– Ты чересчур своенравен, Фта, – говорил Син Ур сыну, стоявшему перед ним на освещенной факелами внутренней площадке Западной башни. – Помни, что за стенами города нас подстерегает немало жестоких опасностей: там рыскают свирепые кронги, в пещерах прячутся кровожадные цери, могут повстречаться и чужаки-агары, желающие нам смерти... Будь осторожен в горах и не отступай ни на шаг от своих товарищей!

– Отец! Я не беспомощный младенец! – С досадой воскликнул Ур Фта. – Так неужели я не сумею постоять за себя?

– Не сомневаюсь в том, что сумеешь. Но ты слеп. Горько и тяжело мне лишний раз произносить это слово. Послушайся моего совета – что бы ни случилось, помни: твоя слепота дает преимущество любому врагу.

Мгновенно собравшись, Ур Фта слегка наклонил голову и тряхнул густыми синеватыми волосами, убранными тонкой клакталовой сеткой.

– Ударь меня, – вдруг твердо проговорил он, обращаясь к царю. – Ударь по-настоящему и как тебе угодно – справа, слева, сверху, снизу, прямо в грудь или по лицу наотмашь... Ударь, и ты увидишь...

Не успел он договорить, как Син Ур, бесшумно подступивший сбоку, почти одновременно ударил его в лицо и в спину. Ур Фта отразил только первый удар. Второй же достиг цели и, хотя Син Ур бил раскрытой ладонью не в полную силу, заставил наследника охнуть и податься вперед. Запнувшись о подставленную царем ногу, он полетел вниз лицом, но упасть

сумел правильно, мягко откатился, вскочил и мгновенно повернулся в сторону обидчика, сжав кулаки.

– Верно, дружки подыгрывают тебе во время ваших потешных сражений, – усмехнулся царь.

– Нет, отец, – угрюмо возразил Ур Фта, – ты же знаешь, ни у кого из них нет такого слуха, как у меня. Я слышу не только шелест травы, скрип песка или снега под ногами противника. Мне понятны и свист рассекаемого им воздуха, и каждый щелчок от движения его суставов...

– И все же... – строго напомнил Син Ур.

– И все же ты прав, в одиночку я уязвим, и обещаю тебе не разлучаться с товарищами...

На рассвете, верхом на статных гавардах черной и крапчатой масти, в шерстяных газлагах и плащах из расшитой таранчи, вооруженные луками, мечами и топорами рысью проехали по улицам Айзура юные охотники во главе с Ур Фтою и, выехав за ворота, с криками, посвистом и смехом по дороге, слегка припорошенной снегом, умчались за горизонт.

Вскоре по знаку царя, поднявшегося на самую высокую башню, зарокотали гаргасты, жители Айзура высыпали из своих домов, их гости покинули светлые шатры, и все потянулись к площади Зьяф, где всегда происходили главные события праздника. Айзурские девы еще вертелись и прихорашивались у бронзовых зеркал, вплетая в косы скатную сурь и отборные клакталы, подводя угольком глаза или подтачивая ноготки мабровым брусочком. А юноши, не торопясь, подражая взрослой повадке, вызывая то смех, то возгласы одобрения, уже вышагивали по улицам, направляясь к месту предстоящих испытаний... Короче говоря, как поется в старинном цлиянском эрпарале:

Волны долгого холода —
В брызги соли и солода!
Стар и молод по зову спешат.
Солнца ясного молотом
Чаша мрака расколота!
Снова светлый пришел Золоват...

Тем временем, отряд под предводительством наследника поднимался все выше в горы, уходил все дальше от столицы, закипавшей весенним празднеством. Прежде царевич Ур Фта ни разу не выезжал за пределы простиравшихся вокруг Айзура лугов, где в сопровождении друзей и наставников доводилось ему верхом гонять серых зудриков, подстреливать на звук и с подсказки чернорылую бириссу или вынимать из капкана зубастого задиру кухалли. Но по рассказам опытных охотников царевич знал, что все эти детские забавы нельзя и сравнивать с промыслом на Приоблачных лугах Шо, там, куда вели от подножия крутые извилистые тропы. Гаварды легко проходили по ним на своих мягких и цепких лапах, унося ввысь цлиянских охотников и возвращаясь в долину с грузом обильной добычи. Наследник Ур Фта всегда с восторгом и завистью притрагивался к свежим охотничьим трофеям: к нежному меху и длинной невесомой шерсти, к ветвистым рогам и гладким, словно отполированным вручную, клыкам убитого горного зверя.

Вестимо, теперь, поднимаясь в горы, не мог он обернуться и созерцать родной Айзур: как раскинулся тот в долине величественной звездой с круглой площадью Зьяф посредине. Зато с наслаждением вдыхал царевич слегка заострившийся воздух, наполненный ароматами дерева ави, поздних трав и цветущей айолы. Он не видел, как перебежала тропу перед самую мордой его гаварда и, переливаясь волнами, брызнула по свежему снегу в колючие заросли серебристо-черная вейра. Но он услышал ее фыркание, шорох взметнувшегося снега и уловил резкий соблазнительный запах прежде, чем его спутники загалдели, приметив, и заспорили,

стоит ли преследовать зверя. Не дано было слепому наследнику цлиянского престола полюбоваться стадом гордых шарпанов, вышедших из лесу и неторопливо поднимавшихся заснеженным склоном. Но он раньше других вздрогнул и выхватил стрелу из колчана за спиной, когда взлетел и раскатился эхом глубокий волнующий рев вожака стада. Эф Тун, находившийся рядом, хлопнул его по руке со словами:

– Не стоит, высочество Фта, они чересчур далеко: по меньшей мере два выстрела будет.

Охота выдалась не слишком удачная. После нескольких тщетных попыток подобраться на выстрел к шарпанам юноши на сей раз отчаялись попробовать их темного сладкого мяса. Так что радость охватила всех, когда случай помог им набрести на небольшое стадо большеголовых сапаров, мирно пасшихся на крошечной лужайке за уступом скалы, и подстрелить четырех. С этой-то добычей, отнюдь не богатой, но все же сулившей сытную трапезу под вечер, они и направились в Ализандовый грот.

Был он излюбленным убежищем цлиянских охотников и находился всего в половине атрора от счастливой лужайки. Его высокие своды подпирались множеством ализанд, толщиною не менее тикуба каждая, чьи тонкие густые ветви вверху стелились одной сплошной розоватою кроной. И оттуда в любое время года свисали на длинных шершавых стеблях и нераспустившиеся бутоны, и белые цветы с едва ощутимым, но дивным ароматом, и съедобные продолговатые плоды, служившие прекрасным дополнением к обычным яствам охотничьего пира. А крепкие и гладкие ализандовые стволы использовались в качестве привратных столбов – к ним в отдалении привязывали гавардов. Ныне уж не сыщешь в Галагаре этих чудесных деревьев, а только говорят еще, будто стволы у них были прозрачными, как речная вода. Да это выдумки, верно.

К тому времени, когда сгустился стремительный сумрак, юноши успели насытиться возле костров, не угасавших благодаря обилию хвороста, всегда по неписанным законам охотничьего братства соблюдавшемуся в гроте, да еще и уполовинили запасы хмельной рабады.

Перед гротом раскинулась большая луговина, где местами торчали из-под снега пучки не успевшей засохнуть звездной травы и черного тара. Сюда-то и потянул царевич дружков, предлагая перед сном размяться и утомить друг друга игрою.

Сперва Ур Фта потребовал, чтобы в него пускали стрелы без наконечников с расстояния в пару уктасов. И он ловил их проворными руками, и хоть не всякий раз это ему удавалось, – примерно две трети пущенных стрел побывали, каждая – в одном из четырех кулаков царевича, озаренного лунным светом.

Когда же наскучила эта нехитрая забава, юноши разбились на пары и пустили в ход мечи.

Сражение получалось нелепое, ибо хмель сделал свое дело – и юнцы с хохотом и криками набрасывались друг на друга, не соблюдая правил и умножая просчеты. Счастье еще, что сражались мечами в ножнах! А не то игра довела бы их до ранений, а кое-кому наверно стоила бы жизни.

Только царевич, не любивший хмельного и позволивший себе выпить не более полурофа, дрался не на шутку и дважды сбил с ног своего потешного противника. Он уже завершал очередную атаку и опрокинул бы беднягу в третий раз, если бы что-то не заставило царевича остановиться. Он замер, опустив меч, и по его приказу замерли все остальные. Как ни мутило хмелем головы его «войску», все до единого помнили о том, что он приходится им не просто товарищем в играх, но и повелителем, требующим беспрекословного повиновения.

– Слышал ли кто-нибудь из вас? – вполголоса, скрывая необъяснимое волнение, произнес царевич.

– Что именно, высочество Фта? – так же негромко переспросил низкорослый Зи Аль, глядевший трезвее прочих.

– Звук. Удивительный звук. Такого я прежде не слыхивал. Высокий и очень красивый... Он доносился оттуда! – Ур Фта вытянул руку в направлении почти отвесной скалы: она возвышалась темной громадой над северным краем луговины.

Но все только прислушивались и недоумевали: верно, померещилось царевичу что-то, а если и не померещилось, если и в самом деле прокричала ночная птица или ветер просвистел в камнях на скале, ничего удивительного в этом нет...

– Высочество Фта! – воскликнул Эф Тун. – А не вернуться ли нам к огню? Сдается мне, обжора Тил Цах с малышом На Олом допивают нашу рабаду вместо того, чтобы подбрасывать хворост в костры.

Все рассмеялись, царевич улыбнулся, махнул рукой, словно избавившись от наваждения, и согласился с Эф Туном.

В Ализандовом гроте, проглотив еще изрядное количество доброй маслянистой рабады, кое-кто склонился к бессвязным разговорам и пустой похвальбе. Особенно усердствовал низкорослый Зи Аль. Он быстро осушил один за другим три полуурофа и теперь трещал без умолку, то и дело вызывая взрывы хохота и насмешливые слова, еще больше распалывшие его.

На царевича почти перестали смотреть – только изредка бросали быстрые взгляды, ожидая поддержки и одобрения. Но Ур Фта, погруженный в свои мысли, не слушал глупой болтовни Зи Аля. И лишь когда маленький хвостун вскочил на ноги, горделиво вскинул гладко обритую голову на тонкой шее, выхватил короткий меч и проделал несколько замысловатых выпадов в сторону костра, наследник невольно прислушался к его словам.

– «Луч», «лестница», «кочерга»! Разве плохо у меня получается? А поглядели бы, как я с топором обращаюсь! Тысячу раз удеывал на топорах моего братца, увальня косорукого! – Зи Аль в сердцах швырнул меч себе под ноги. – И вот он сегодня на празднике Золоват, а завтра его назовут воином – то-то он станет нос задирать! А разве это справедливо? Разве так уж важно, что он родился в одну зиму с наследником, а я на две зимы опоздал? Ведь я сильнее, и ловкости у меня на троих, как он, хватит!

Малыш словно поперхнулся последними своими словами и с ужасом уставился на царевича, выросшего вдруг перед ним и больно сжавшего ему плечо.

– Что ты сказал о празднике Золоват? – медленно проговорил царевич. – Повтори. Завтра станет воином тот, кто родился в одну зиму со мною?

– Высочество Фта, простите, – пролепетал Зи Аль и рухнул на колени. – Высочество Фта, я не должен был этого говорить.

– Ты ошибаешься, – возразил царевич. – Именно теперь тебя следовало бы наградить. А прощения просить ты должен вместе со всеми за то, что до сих пор ни словом не обмолвился об этом.

– Простите, простите, высочество Фта, – наперебой загалдели юные бражники.

– Великий царь под страхом смерти приказал нам молчать, – добавил Эф Тун, и все притихли.

– Хорошо. Я не выдам тебя, маленький Зи Аль, – сказал Ур Фта. – И я подумаю, что мне теперь делать.

Последним действием рабады всегда бывает крепкий сон, полный ярких заманчивых видений. Не прошло и рофа, как Ализандовый грот погрузился в сонную тишину. Два костра прогорели и гасли. У третьего сидел царевич и подбрасывал хворост в пламя – в пламя костра и в пламя своей беспощадной обиды. Верно, тогда он старался быть честным с собою и потеснить досаду раздумьем.

Готов ли он в самом деле быть воином, выдержит ли не потеху с мечами в ножнах, а смертельно опасный нескончаемый поединок, устоит ли перед множеством могущественных врагов и перед первым и самым могущественным, чье имя тысячу раз проклято каждым цли-янином, – перед чернородным двартом Ра Оном?

Верно, вспоминал царевич, сидя в ту ночь у костра, все, что с детства рассказывал и пересказывал ему отец, великий Син Ур, о своей встрече с благородным двартом Су Аном в предгорьях Ло, где тот и открыл царю все козни Ра Она, умертвившего Дан Бат, поведал и о своем поединке с ним, и о том, как исход схватки на Лиглонном лугу решил судьбу Ур Фты, и о великом жребии, выпавшем наследнику цлиянского престола – прежде прозреть, а уж прозрев, уничтожить злокозненного Ра Она. Не открыл благородный дварт Син Уру только одного – когда и при каком условии вернется свет в глаза его сына. Не открыл, да и не мог открыть: тайна – условие всех условий. Нарушить ее – значило бы обречь царевича на вечную слепоту. Так говорил Су Ан.

Царевич встал и насторожился. Ночь легко было отличить на слух. Вот сопят и постанывают во сне его спутники. Изредка фыркают и тихонько рычат гаварды. Шипит и потрескивает костер. Далеко-далеко захохотал хацы – видно, запустил когти в добычу. Но главное – тишина. Все обнимающая, все поглощающая.

Говорят, что ночью царит какая-то тьма, а днем какой-то свет. Но царевич не помнил света и тьмы.

– Тишина – вот моя тьма, – прошептал он себе и добавил: – А свет – это звук. Мой свет – это звук.

И в тот же лум он услышал его – тот звук, что воистину был светом и так поразил его накануне, во время потешного боя. Высокий, прерывистый, но яркий и сильный, он звал, он тянул к себе неодолимо. Ур Фта наклонился, отыскал свой меч, вынул его из ножен, высоко поднял над головой и спокойным уверенным шагом пошел навстречу своему свету.

Царевич вышел на то самое место, где давеча резвились его захмелевшие спутники и где в первый раз услышал он таинственный звук. Здесь тишина вновь навалилась и обложила его со всех сторон. Имей Ур Фта самое зоркое око – и тогда его ощущения не слишком отличались бы от того, что он переживал теперь, будучи совершенно слепым. Ибо луна спряталась за небольшую тучу, и в кромешной тьме над луговиной закружил редкий снег. Царевич почувствовал его прикосновения лицом и руками. Стало так холодно и одиноко, что он рассек воздух мечом, сделал несколько выпадов в разные стороны, словно пытался отогнать и холод, и одиночество и, не останавливаясь ни на лум, продолжал бой с невидимыми врагами.

Меж тем, полная луна вновь выглянула из-за тучи и осветила его, исполнявшего посреди заснеженной луговины свой смертоносный расчетливый танец. Конечно, царевич не мог об этом знать. Зато он вновь услышал тот самый таинственный звук и от неожиданности замер. Звук замер вместе с ним на протяжной трепещущей ноте. Ур Фта растерянно опустил меч – и звук, будто привязанный к клинку, тоже опустился, не прерываясь. Ур Фта резко вскинул над головой мерцающее лунным бликом лезвие – и звук взлетел следом, легко и тонко зависнув над луговиной. Вниз и влево – понижение и дрожь. Вверх и вправо – повышение и твердость. Сделав еще сколько-то самых простых движений, слепой царевич убедился, что звук ему послушен. И так его это очаровало, что он, вовсе не чувствуя усталости, проделывал и повторял все новые и новые приемы, выстраивал разнообразные защиты, череду ударов и выпадов, быстрых прыжков, переходов и поворотов, и любовался в душе мелодиями, из неведомого источника звучащими по мановению его меча. И – чудо! – не было среди этих мелодий ни одной по-настоящему незнакомой. Все они давно жили и двигались в нем, в его мышцах, суставах и сухожилиях. Но только сегодня, только теперь они зазвучали в прихотливых и быстрых изгибах, сливаясь в сплошную и грозную музыку боя.

Царевич не сразу заметил, как это произошло, и потому в первый лум вздрогнул, когда ощутил, что уже не он управляет звуком, но звук управляет им. Поднявшийся было страх обернулся наслаждением. Таким Ур Фта представлял себе наслаждение светом. Словно последняя цепь, сковавшая тело, со звоном лопнула и растаяла в заснеженном горном воздухе. Исчезло

и самое чувство преодоления оков. Но и это последнее, легкое, как пух, ощущение свободы растворилось в движении, точном, летящем и непрерывном.

Ур Фта продолжал жонглировать мечом, перебрасывая его из одной – в другую, третью, четвертую руку, и, словно прокладывая коридор в невидимо атакующем войске, по мановению властного звука пересек луговину. Затем наощупь вскарабкался по скале, темной громадой возвышавшейся над ее северным краем, и очутился на ровной площадке выступа у входа в пещеру.

Звук оборвался, и слуха Ур Фты коснулся хриплый, изломанный временем голос:

– Я ждал тебя без малого сорок зим. Кто же ты? Назови свое имя!

– Ур Фта, сын великого царя Белобрового Син Ура, наследник цлиянского престола в Айзуре, – твердо и ясно ответил царевич незнакомцу.

– Как! Сам слепой царевич Ур Фта пожаловал! О, горе мне, глупцу из глупцов! Не однажды я слышал о тебе от пастухов, но мне и в голову не пришло разыскивать тебя вместо того, чтобы сидеть на месте, застыв в ожидании подобно толстокожему тинтеду, выслеживающему рыбу на речном берегу. А ведь не трудно, кажется, было догадаться, что именно слепой и только слепой может вот так, сразу почувствовать музыку боя!

С этими словами старик, – а то был крепкий крылатый старик, с головы до ног покрытый серебристыми перьями, – поднялся, вглядываясь в долгожданного пришельца парой круглых пронзительных глаз, обнял его своей единственной рукой и усадил рядом с собою. Ур Фта, как требовала учтивость, покорно и в то же время с достоинством, приличным его происхождению, опустился на травяную циновку, поджав под себя левую ногу, и в свой черед спросил незнакомца, кто он и как его имя.

– Мое имя, – отвечал тот, – Кин Лакк, я родом из племени форлов. Говорит ли тебе это что-нибудь?

– Я много слышал о твоём племени. И слышал, что все форлы погибли. Отец говорил мне, что, мужественно защищая свои земли, в последнем бою с крианами не уцелел ни один из них.

– Ни один из нас, благородный Ур Фта, ни один из нас, кроме несчастного Кин Лакка, сидящего рядом с тобой. В том последнем бою под стенами Корлогана я потерял правую руку и много нимехов пролежал без памяти на поле позора и смерти. А когда очнулся, тетивой затянул обрубок – и во мне достало крови на то, чтобы взлететь.

– Но как случилось, что столь могущественное племя, способное тучей подняться в небо и сверху обрушиться на врага, целиком погибло в одном-единственном сражении с крианскими воинами, искусными на воде и на суше, но бессильными в воздухе? Отчего спасся один почтенный Кин Лакк? Отчего не взлетели его сородичи над полем боя и не укрылись высоко в горах, дабы набраться сил и продолжить войну в лучшее время?

– Вопросы твои уместны, царевич, – сказал Кин Лакк, печально кивая, – изумление твоё законно. И я надеюсь, ты не подозреваешь форлов ни в трусости, ни в недостатке разума...

– Победы и поражения сменяют друг друга в жизни любого воителя, – сказал Ур Фта. – Уходить от верной гибели не позорно. Идти на верную смерть без надежды победить или хотя бы спасти сородичей – безумие. Но я не сомневаюсь ни в храбрости, ни в здравой рассудительности форлов. Если они погибли все разом, – верно, была тому неодолимая причина. О ней я и хотел тебя спросить.

– О ней и о чудесном звуке, услышав который, ты вскарабкался по скале и пришел к пещере Кин Лакка?

Ур Фта кивнул и приготовился слушать.

– Я поведаю тебе историю гибели форлов, – продолжал Кин Лакк. – А заодно историю моей военной свирели, чей волшебный голос сегодня свел наши судьбы.

Неприступные горы – родина гордого племени форлов.
Там сотворил их Фа Эль, в тайном танце кружась.
Там среди скал раскатал он лазурную скатерть
И молотом белый валун, мощно ударив, разбил.
Женщина вышла на свет, Фа Элем желанная жарко.
Плохо умея летать, пылко умела любить.
Угодила Фа Элю она – год погодив, одарила
Голые веси его – с голову хрупким яйцом.

Кин Лакк пересказал царевичу общий смысл этой витволы, произнесенной на форлийском наречии, и продолжал рассказ по-цлиянски.

– Так исстари повествовали о сотворении форлов в своих витволах форлийские кляйклиды. И надо сказать, упомянутый благородный дварт Фа Эль во все времена оставался ласковым отцом и заботливым покровителем племени. В несчастьях зывали к нему с просьбами о помощи, в радости прославляли его и выражали сыновнюю любовь.

Форлы в прежнее время не часто спускались с гор, были миролюбивы и никогда не ссорились с племенами, населявшими цветущие берега Зеленого и Дымного морей и полноводного Кора. Оно и понятно: зачем отвечать враждебностью на враждебность, когда в любой лум ты способен оторваться от земли и унести как ветер – неведомо куда и даже следов не оставляя?

Напротив, в мирных делах и случайных бедствиях мои крылатые предки стремились поддержать любого, кто в этом нуждался. И они не смотрели, кому помогают – сереброкожему вицлу или волосатому сиприку, безносому болафу или большеухому кици. Тебе незнакомы эти слова? Неудивительно. Так назывались племена, населявшие землю Форлии до того, как она стала Форлией.

Так вот, поддерживали форлы всех без разбору, но ни с кем не сходились близко: не братались, не дружили, не менялись именами. Ни войны, ни союза – и никто не позволял себе поднять руку на форла. Их побаивались и уважали за непричастность к усобицам.

Но случилось, когда я был совсем еще мальчишкой, во главе нашего племени встал юный вождь, правнук легендарного Циг Цоха, внук доброго Цох Дъара и сын щедрого Дъар Таба – Таб Рах. Он нарушил древний обычай – сдружился с вицлами, и не просто сдружился, а взял себе в жены луноподобную вицлянку Фалику.

Разве плохо было приобрести друзей? – спросишь ты, быть может. И я отвечу: да, неплохо, но плохо то, что, приобретая друзей, наживаешь врагов.

Десять зим миновало после женитьбы Таб Раха – и форлы сделались воинами, грозными и беспощадными. Одно за другим, истребляли они племена, враждебные вицлам, и благодарили своего покровителя Фа Эля за каждую победу. А настало время – покончили и с вицлами, как, верно, ты, быстрый умом, уже догадался. Таб Рах поссорился со своей впервые за зимы замужества отяжелевшей супругой, подозревая ее в неверности, и – правда или нет – говорили, что сбросил прекрасную Фалику с наследником во чреве в бездонную пропасть. Войско вицлов было разбито в одном сражении и почти без потерь с нашей стороны. Пленные за две зимы сложили из желтого сафа стены Корлогана, где Таб Рах воссел на трон, объявил себя царем Форлии, простиравшейся за пределы горных областей от Дымного моря на западе до Зеленого моря на востоке, от гор Шо и Пограничной степи на юге до скрытых непроходимыми лесами низовий Кора на севере – воцарился и повел сородичей к верной гибели.

И вновь ты спросишь: отчего же на гибель повел тот, кто приводил только к победам? А я отвечу: погибает возгордившийся, в гордости же погрязает не знающий поражений. Вздумалось царю Таб Раху требовать себе таких же почестей, какие воздавались форлами дварту Фа Элю, а после не захотел он и с ним делить свою славу.

– Мы, форлы, сами добывали победу. Мы завоевали цветущий край и очистили его от неприятелей безо всякой сторонней подмоги! – Так возопил безумный правитель в тронном зале, а он умел составить в уме и внести в души внушительную речь. – Кто хоть раз видел призрачного Фа Эля на поле боя? Кто говорит, что он вообще существует? Только выжившие из ума старики да клйоклиды в придуманных витволах! Если бы у нас и в самом деле был такой могучий покровитель, он не позволил бы пролиться даже капле форлийской крови, он не дал бы смерти отнять у нас ни одного воина. Но кровь наша лилась на пути к победе, и смерть унесла в Бездвижный Пустой Океан немало достойных и крепких мужей. Вот вам доказательство того, что никакого Фа Эля в действительности не существует!

Немногочисленны были роптавшие, недолгим был ропот. Форлы приняли новую истину и стали поклоняться только своему царю. Стыдно вспоминать, но я и сам поверил, что Фа Эль – просто выдумка предков, и с восторгом внимал своему повелителю Таб Раху, звавшему в новую битву, в новый простор, обещающему форлам богатства всего Галагара.

В ту пору Западный край уже полностью был завоеван крианами. На верфях Эсбы они построили могущественный флот. Тридцать два крианских корабля бороздили Дымное море, рассекая таранами волны – и велико было наше опасение, что криане, поднявшись вверх по течению Кора, подойдут к стенам Корлогана. Не имея своего флота, форлы все же могли отразить такое нападение, но для этого потребны были немалые силы. Вот почему, прежде чем уводить войска от столицы в поход на Цлиянское царство (увы, царевич, наши народы были тогда на волосок от смертельной вражды!), – хитроумный Таб Рах решил заключить военный союз с крианским царем Цфанк Шаном. Начались долгие переговоры, и многие предполагали, что в случае их успешного завершения разразится война, причем наши союзники криане атакуют цлиянский флот в Зеленом море, а форлийские отряды лавиной обрушатся со склонов Шо на Айзур.

Наконец, Цфанк Шан (а вернее, тот, кого мы за него принимали) самолично прибыл в Корлоган в сопровождении небольшой флотилии. Когда четыре крианских корабля подходили к нашей столице, около черной дюжины форлов подняли в воздух множество громадных корзин, наполненных благоухающими цветами, и осыпали палубы крианских кораблей потоками белоснежных тиолей и багровых дазиар.

Таб Рах с пышной свитой вышел на временную пристань, возведенную по такому случаю из айоловых бревен и обтянутую голубым цадалом, встретил Цфанк Шана на сходнях и заключил в объятия у всех на виду. Цари (а вернее царь и тот, кого принимали за крианского царя лежковерные форлы) побратались, поднесли друг другу по чаше изысканной циды и открыли праздничный пир, продолжавшийся семь дней и ночей. Веселью, играм, ласкам свободных красавиц, неслыханно щедрым дарам на улицах Корлогана, казалось, не будет конца! На восьмой день Таб Рах предложил гостю насладиться зрелищем военных игрищ. При этом тайный замысел нашего повелителя, понятно, заключался не в том, чтобы доставить удовольствие своему временному союзнику, а в том, чтобы внушить ему почтение и страх перед могуществом крылатого форлийского воинства. Именно с этой целью в окрестностях Корлогана были собраны главные силы, почти все форлийское войско, за исключением разве пограничных отрядов и личной охраны Таб Раха, в числе которой в те дни находился и я. По условному знаку царя вспорхнули по цепочке круглые сигнальные флажки – и тучи наших воинов в блеске отборного оружия и кольчатых панцирей взмыли в воздух, заслонив собою свет солнца.

В тот лум я оказался неподалеку от царского навеса и хорошо видел, как лицо Таб Раха засияло злым превосходством, а в глазах седовласого крианского раба, наряженного в царские одежды и изображавшего Цфанк Шана, качнулся непередаваемый ужас.

И тогда, в самый разгар торжества, откуда ни возмись, вырос перед Таб Рахом разжалованный советник Су Зул. Мужеством он обладал беспримерным, честностью кристальной, вера

его была нерушима, как сталь, закаленная в скательном масле. И он возвысил голос, не дрогнув:

– Радуйся, царь крылатого племени, щедротам завоеванной земли, упивайся могуществом твоего небесного войска, насмехайся над врагом, притворившимся другом, читая в глазах его бессильную ярость и страх! Но знай, что двадцать крианских кораблей на всех парусах приближаются к Корлогану и несут на борту щедрые дары для тех, кто беспечно глядит в Бездвижный Пустой Океан и не видит опасности. Катапульти, сети, арканы, стальные петли, парные ядра, копья, стрелы, зайгалы, мечи, топоры – вот их ответ на твое гостеприимство. Ты погибнешь, нечестивый Таб Рах, и погубишь всех своих сородичей, если теперь же не опомнишься и не призовешь на помощь великого отца и покровителя форлов, щедрорукого и длиннокрылого Фа Эля!

Драгоценная чаша затряслась в руке побагровевшего Таб Раха, и он прохрипел, задыхаясь от гнева:

– Ты оскорбил подозрением нашего величественного гостя и моего названного брата! Мало того, ты упомянул при этом проклятый призрак, от коего я освободил свой народ навсегда! Ты сам себя выдал, грязный Су Зул, да поразит игва весь твой род и потомков до шестого колена! Ты – последний из форлов, кто верит еще в пустоту и смущает храбрые души, призывая поклониться зияющей пропасти вместо того, чтобы идти за своим царем к сияющей вершине!

С последними словами Таб Рах размахнулся и швырнул массивную чашу, усыпанную отборными лозрагами, прямо в голову своему бывшему советнику и другу. Су Зул вскрикнул и пошатнулся. Из глубокой раны по лицу его хлынула кровь.

– Опомнись, форл, сын форла! – простонал он, вытягивая дрожащую руку в сторону царя, а тот взревел в ответ:

– Излишняя просьба, вонючий шерпал! Великий царь уже опомнился и сожалеет, что прежде не приказал тебя уничтожить! Эй, форлы! Кто первым успеет навсегда заткнуть глотку Су Зулу, пускай возьмет себе царскую чашу!

Немедленно какой-то юный красавчик из свиты, спеша выслужиться, выхватил из ножен сверкающий парадный меч и попытался снести разжалованному советнику голову, но ударил плохо, неумело – даже до половины шеи не разрубил. Советник рухнул, как подкошенный, и, перевернувшись на спину забился в предсмертных судорогах. Я склонился над ним и хорошо слышал, как несколько раз имя Фа Эля вышло из уст его с кровавыми пузырями – словно кипело напоследок.

В тот же лум к подножию царского трона опустился командир одного из трех немногочисленных отрядов, следивших за спокойствием в пригородах столицы. Он был ранен и, у всех на глазах выдернув из своего бедра крианскую стрелу с желтым оперением, положил ее к ногам Таб Раха. Донесение этого отважного воина полностью подтвердило правоту Су Зула: на берега полноводного Кора высадились вооруженные до зубов криане. Они заполняют нашу землю, жгут наши дома и беспощадно уничтожают всех форлов, в том числе и наших бескрылых женщин. Ужасная весть ураганом понеслась от царского трона в толпу. Черные дюжины крылатых воинов, увидев всеобщую сумятицу, ринулись на землю, готовые немедленно вступить в сражение с вероломным противником. Из общего гвалта поднялся и повис над головами чей-то отчаянный вопль: «Фа Эль мертв! Су Зул говорил правду!»

Воспользовавшись невообразимой суматохой, крианский раб, изображавший царя, кинулся на Таб Раха, ударил его кинжалом в горло и сам тут же погиб от моей руки.

На следующий день, собрав под стенами Корлогана все свои силы, мы были готовы сражаться не на жизнь, а на смерть. Но как только приблизилось крианское войско и наши полководцы отдали приказ к наступлению выстроившимся на желтых зубчатых стенах воинам, – случилось самое страшное. Лучшие мужи Форлии, цвет и гордость ее воинства, они расправили крылья и храбро ринулись со стен вниз на врага, но так и не долетев до своей цели, один

за другим попадали, будто сложив крылья, и разбились о землю в десятке уктасов от первых рядов крианского войска. Что произошло с форлами в тот лум – трудно сказать. Может быть, просто изменило мужество, во что не могу я поверить, а может, сбылось пророчество Су Зула и крылатое племя, лишенное покровительства Фа Эля, разучилось летать. Но никто не отважился подняться в воздух после этого страшного падения и гибели храбрейших из нас. И хотя сражались мы самоотверженно и дорого встала врагу победа, она была предрешена вопиющим его превосходством. И теперь тебе ведомо, царевич, почему форлы не взлетели над полем боя, почему не скрылись в горах и приняли смерть все как один.

– Да, все как один, исключая одного! – сказал Ур Фта. – И теперь мне непонятно, отчего это один все же сумел улететь от смерти, а может статься, и по сей день умеет летать?

– Ты прав, царевич, я прекрасно летаю и достаточно долго, хотя и не так долго, как в былые времена, могу продержаться в воздухе. Что же до твоего последнего вопроса, – он мучает меня с тех самых пор, но разгадать эту тайну я не в силах. Конечно, я поклоняюсь Фа Элю и за чудесное спасение благодарю только его. А все же в толк не возьму, почему именно на мне явил свою милость благородный дварт, если он не умер, а просто решил наказать непокорное племя? Ведь несомненно, в тот страшный день многие мои сородичи в отчаянии призывали его на помощь и умоляли о прощении за свое отступничество.

Но, как бы там ни было, поднялся в воздух только счастливчик Кин Лакк. Да и то, уже после сражения, лишенный руки, крови и сил, едва живой и не способный мстить за себя и своих сородичей. Взлетая, опускаясь и снова взлетая, устремился я неведомо, куда и нечаянно оказался за пределами Форлии, объятый пламенем нашествия коварных и злобных врагов.

Я упал в Пограничной степи, ко всем прочим бедам и мукам вдобавок – сломав себе ногу, и приготовился к смерти. Здесь-то меня и подобрали цлиянские пастухи. Добрые агары, они выходили меня как недоношенного младенца. Они вернули мне жизнь, но никто не мог вновь наполнить ее смыслом, никто не мог вернуть мне мою доблесть, мое умение сражаться. Что способен предпринять одинокий безрукий калека, хотя бы и способный подняться в воздух на собственных крыльях, против огромной силы крианского воинства? А в том, что я одинок и в живых, кроме меня, не осталось ни одного форла, я с каждой зимой убеждался все тверже.

Я не остался со своими спасителями и, как только раны мои затянулись, улетел от них навсегда, твердо решив, что одинокому пристало жить в одиночестве. Жажда мести, жажда сражения не угасала во мне, как бы я ни уверял себя в невозможности ее утолить.

И вот, наконец, во время своих скитаний в горах я вздумал смастерить из ветвей дерева ави эту свирель. (Кин Лакк что-то протянул Ур Фте, и тот ощутил в пальцах три связанные между собой полые трубки со множеством отверстий.) В детстве научил меня делать такие отец моего отца. Тоскуя по былому, вспомнил я это искусство и с великим трудом, пуская в ход и ноги, и зубы, сумел-таки изготовить свирель одной рукой.

То, что случилось потом, вроде бы вовсе и не зависело от меня: стоило прижать к губам эту мертвую деревяшку и выдуть из нее первые звуки, как в груди у меня забурило, сливаясь с ними, все та же жажда – сражаться и мстить! Я играл на свирели, а перед моим мысленным взором неизменно вставали крианские воины. Число их росло день ото дня, они нападали, а я убивал, убивал их звуком моей свирели. Каждый прием, – а я когда-то прекрасно владел множеством видов оружия, – превращался в неповторимую мелодию, каждое движение ноги, руки, головы, всего тела находило в ней отражение. Я сразу представлял себя четырехруким воином, в умениях подобным цлиянину, и потому, что, живя в цлиянском поселке, а затем наблюдая за лучшими вашими воинами в битве на Плаунном лугу, хорошо изучил приемы боя на четыре руки, и потому, что так уж, верно, мечталось мне, однорукому – иметь бы рук побольше, хотя и при паре крыльев. Я снова обрел и даже приумножил однажды утерянное искусство, я снова стал воином, но воином звука. Всего лишь воином звука. Я сражался с призраками. Поначалу и этого было довольно, и это казалось верхом блаженства. Но вскоре первая

радость сменилась горечью и досадой. Жажда мести пробудила во мне и стала питать безумные мечты. Почти сорок зим я жил надеждой на то, что встречу великого воина, врага крианам, способного понять мою музыку и превратить сражение с бесплотными тенями в битву с настоящим и грозным противником. И вот я встретил тебя. Ты услышал, ты понял и ты вернешь смысл моей затухающей жизни.

– Твоя история поистине удивительна. Но прошу тебя, сыграй мне еще на твоём чудесном инструменте, – сказал Ур Фта и протянул свирель старому форлу. Недолго думая, Кин Лакк прижал ее ладонью к груди, наклонил голову и заиграл, ловко перебирая отверстия пальцами. Ур Фта вздрогнул, как натянутая тетива, но поборол себя и продолжал сидеть неподвижно, одной парой рук обхватив свои плечи, а другой – опираясь на правое колено.

– Что это значит, благородный Ур Фта? – спросил удивленный Кин Лакк, прервавшись. – Почему ты не двигаешься?

– Это значит, – ответил Ур Фта, гордо вскинув слепое лицо и положив ладонь на рукоять меча, – что наследник Син Ура сам выбирает свою дорогу. Никогда и никому не удастся подчинить себе его волю.

– Ты настоящий воин, – произнес Кин Лакк, придав твердости своему хриплому голосу. – Ты сын своего отца. Поверь, я и не думал подчинить твою волю себе. Да ты и сам теперь доказал, что это невозможно. Напротив, я готов тебе подчиняться. Я стану служить тебе глазами в любом сражении, да так, что ты, слепой воин, станешь непобедимым.

– Хорошо. Но как быть с твоею ненавистью к крианам? Ведь я не собираюсь сражаться с ними. Между нашими царствами давно установился мир.

– Сегодня мир – завтра война. Я потерплю, благородный царевич. Думаю, осталось недолго. Что-то мне подсказывает, что встретились мы не даром.

– Хорошо, – повторил Ур Фта, поднимаясь и старательно скрывая охвативший его радостный трепет. – Я принимаю твоё предложение. И если ты хочешь немедленно доказать свою преданность, до рассвета мы должны спуститься в Айзур. Там с твоей помощью я буду участвовать в поединках на празднике Золоват и добьюсь, чтобы меня признали воином. Ты согласен?

– Согласен ли я вновь пережить вместе с тобой волнение юного сердца в первом бою? Согласен ли я вернуться из мира призраков к жизни, бегущей среди опасных случайностей и смертельных угроз? И ты еще спрашиваешь? Конечно согласен! Сегодня же наследник великого Син Ура убедится, что лучшего жизнехранителя, чем моя свирель, поющая у него над головой, ему не найти.

Юные любители рабады с блаженными улыбками на устах почивали в Ализандовом гроте, ни о чем не подозревая. А их предводитель Ур Фта верхом на своём черном, как застывшая смола мубигала, гаварде мчался по горным тропам к Айзуру, то натягивая, то ослабляя узду согласно с простенькой мелодией, которую выводил на своей свирели сидящий в седле прямо перед ним небольшого роста крепкий старик с серебристым оперением.

– Еще налетаюсь сегодня, – сказал он Ур Фте, когда усаживался на это почетное место, и добавил: – Погоняй смелее, царевич, – я вижу как днем в темноте.

И после этих его слов ничего не остается добавить ко второму урпрану книги «Кровь и свет Галагара».

ТРЕТИЙ УРПРАН

Накануне вечером было. Взметнулся и растаял первый день праздника Золоват. Осталась по нем прекрасная память о шумных играх и молодецких забавах. Цвет юности Цлиянского царства с рассвета до заката сверкал под солнцем Айзура. Будущие витязи, хотя и берегли силы для поединков второго дня, уже всю старались завоевать участие и поддержку.

В преддверии веселого пира, разнообразно украшенного изысканными яствами, невесомый восторг охватил сердца, вспыхнув беспечным пламенем. От этого заблестели глаза, и лица, открытые навстречу светлому Золовату, озарились улыбками при виде героев первого дня. А те неспешно шагали плечом к плечу, отвечая улыбками на улыбки, и, ошастливленные долгожданным афусом торжества, размахивали яркими гирляндами из цветов айолы и листьев скарела.

В преддверии веселого пира, подобного коему не бывало целую зиму, дыхание участилось, как бы в любовном порыве, и небеса пошатнулись во взорах. Добротревожно зарокотали гаргасты, и девицы, весь день волновавшиеся за своих любимых, разом ахнули и завизжали, узнав героев первого дня. А те неспешно шагали, радуясь друг за друга, и в мечтах возносились на новую и новую высоту, а в ответ на все знаки восхищения, словно бы нехотя и с ленцой размахивали свежими гирляндами, что сплели для них айзурские красавицы из цветов айолы и листьев скарела.

В преддверии веселого пира, обыкновенно не утихавшего целую ночь, радостное волнение закипело подобно морским громадам перед бурей. Торжественно взревели зулы, и цлияне, собравшиеся вокруг площади Зьяф, разом вскочили, приветствуя героев первого дня. А те неспешно шагали по большому кругу, наслаждаясь заслуженным почетом, и в ответ на хвалебные крики то и дело размахивали пышными гирляндами, что сплели для них девицы Айзура из цветов айолы и листьев скарела.

Тонколиций, посверкивающий острым взором Фо Гла пытался разглядеть в толпе своего отца, чья мечта о надежном потомстве сбылась с рождением единственного сына. Но только после того, как он уже заимел трех дочерей, давным-давно повылетавших из родительского гнезда. Седовласый Нирст Фо тоже вытягивал шею, надеясь поскорее увидеть сына. Наконец их взгляды пересеклись – и счастливый возглас старика вырвался из общего гама, чтобы в следующий лум снова в нем утонуть. Отец по праву гордился сыном: из десяти стрел, пущенных Фо Глоу, девять угодили в мишень – летящий обруч, обтянутый темною кожей.

Ал Грон, невысокий юноша с раскрасневшимся от возбуждения лицом, с глазами, напоминавшими пару спелых ягод висиллы и довольно большим носом, слегка загнутым книзу, радовался как ребенок, хотя и старался выглядеть степенным. И он сумел отличиться в тот день – разогнав своего гаварда, мечом в правой руке поддел и подбросил одно за другим четырнадцать колец, а копьем в левой поймал все четырнадцать и возложил их к ногам своей возлюбленной Чин Дарт, в смущении потупившей взор.

Смуглое лицо третьего героя цветом и блеском было схоже с отполированным куском речного афата яйцевидной формы, висевшим у него на груди. Гордо повернув и вскинув голову, он растянул острозубый рот в самодовольной улыбке, когда в толпе стали дружно выкликать его имя: Тан Заф!

Тан Заф завоевал всеобщее расположение, когда в разгар традиционной сарпады остался один на один с разъяренным сарпом. Зверь мчался на него, покачивая торчащими из боков и спины древками. Храбрый юноша сумел удержать своего гаварда, едва не вставшего на дыбы и направить его прямо навстречу чудовищу. В последний лум, когда казалось, уже ничто не спасет храбреца, подгоняемый плетью гавард с ревом взвился в прыжке и вместе с Тан Зафом перелетел через сарпа. Пока неповоротливый зверь с ворчанием топтался на месте, не в силах

уразуметь, куда подевался его смертельный враг, – Тан Заф умчался керпитов за триста, развернув, остановил своего гаварда, выхватил четыре копыя, встряхнул привязанную к ним сеть и приготовился к броску. Как только сарп, наконец, углядев своего врага, сорвался с места, молодец всеми четырьмя швырнул сеть на копиях круто вверх, словно хотел поймать ею облако. Но верным был его расчет. Все убедились в том, когда копия с зубчатыми наконечниками юцазак описали в воздухе каждое по крутой дуге и с низким звоном глубоко ушли в землю, словно обозначив углы невидимого квадрата, а сеть накрыла свирепого сарпа, остановив его тяжелый бег в уктасе (не более!) от невозмутимо восседавшего в седле Тан Зафа. Он, спешившись, подошел вплотную к запутавшемуся в сети сарпу и похлопал его по плоской массивной холке двумя руками. Восторгу созерцавших эту победу не было предела. Вот и теперь они не унижались, выкликая хором:

– Тан Заф! Тан Заф! Храброму – слава!

Рука об руку с Тан Зафом выступал его лучший друг Бер Сан. Круглоголовый, безвольный, он, как всегда, выглядел угрюмым и только изредка поднимал светлые глаза из-под сдвинутых к массивному носу густых радужных бровей. Никто лучше Бер Сана не умел обращаться с метательными ножами. Всего лишь четырежды поднялась и опустилась колотушка, ударяя в большой гаргаст – и этого времени хватило Бер Сану для того, чтобы с расстояния в один уктас метнуть в цель сорок ножей. Невозможно было уследить за четверкой его мелькающих рук с тонкими белыми пальцами. Когда же мелькание прекратилось и Бер Сан отвернулся, скрестив руки на груди, восхищенные сородичи увидели, что все сорок ножей вонзились в щит двумя ровными линиями и их сверкающие на солнце алые рукоятки образовали правильный крест, перечеркнувший белое поле мишени.

Среди героев дня оказались к тому же братья Хи Дап и Хи Гар, бесподобно владевшие мечами, топорами и боевыми косами, жизнерадостный Са Эт, выигравший гонку на колесницах, скромный Ог Лон, не знавший равных в обращении с мягкими копиями и кнутом, и, конечно, силач Тоб Мон, всеобщий любимец, на двадцать тикубов перенесший на спине помост с тремя гавардами.

Спустившийся из-под бархатистого навеса, возведенного на одном из склонов, окружавших площадь Зьяф, великий Син Ур обнял всех по очереди и раздал награды. Но лучшей наградой было слово царя, а он нашел, что сказать каждому, и каждого при этом назвал по имени. И всем названным предстояло отличиться в грядущих войнах.

Вновь запели зулы и зарокотали гаргасты. Солнце скрылось. Вспыхнули, поплыли и закружились по улицам Айзура золотистые огни факелов. Трудный и радостный день завершился шумным застольем. Пировали возле костров в шатерных станах, пировали во всяком доме цлиянской столицы, пировали и во дворце, куда Син Ур с почетом ввел сказанных юных героев.

Но не успели собравшиеся в ногах царя расположиться по старшинству за пиршественным столом, как в высоком дверном проеме показался незнакомец в сером плаще и в сером же куколе, надвинутом на лицо.

– Позволит ли мне великий царь Белобровый Син Ур войти в свой дом и принять участие в пире? – спросил он с легким поклоном.

– Кто бы ты ни был, входи, если не прячешь оружия под плащом и не затаил злобы в сердце. Нынче, в светлый праздник Золоват все двери Айзура открыты, – невозмутимо ответил Син Ур.

– Злоумышленники тебе не страшны – вижу, как в прежние времена, четверка жизнехранителей и в праздник стоит за твоими плечами: никому эти молодцы не позволят поднять на тебя руку, – сказал незнакомец, скинул угрюмый плащ, открыв сверкающие одежды и ясное белоснежное лицо, обрамленное ниспадающим голубым оперением, и продолжал, – но неужели пятнадцать зим разлуки не дают тебе узнать главного жизнехранителя всего Цли-

янского царства, неужели все это время ты не мечтал о встрече с тем, кто приводил тебя под крыло победы в сражениях у Глиона и на Плаунном лугу?

Теперь все собравшиеся за пиршественным столом и сам великий царь вскочили и замерли в полной тишине, взорвавшейся счастливыми криками, как только онемевший от радости Син Ур бросился навстречь благородному дварту Су Ану и преклонил перед ним колени.

Всю ночь пировали в Айзуре. Никто не сомкнул глаз – и только те, кому наутро предстояло вновь показать себя, забылись крепким мальчишеским сном в черных шатрах, возведенных неподалеку от площади Зьяф.

Недолго наслаждались трапезой и Син Ур с Су Аном. Отпив по глотку из братской чаши, пущенной затем по кругу, они удалились в укомные покои, где долго беседовали с глазу на глаз. О чем – неведомо, кроме них, никому. А с первым отблеском восходящего нового солнца благородный дварт и великий царь распрощались – и Су Ан, завернувшись в угрюмый плащ, скрылся с глаз, исчез, растаял, оставив по себе нерушимую веру в его невидимое присутствие.

В тот же час на рассвете в распахнутые по праздничному обычаю ворота Айзура, обеспеченного в границах Цдиянского царства бессонными разъездами и дозорами, въехали Ур Фта и Кин Лакк. Никем не замеченные, промчались они вдоль крепостной стены и спешили возле кузницы старого Нона.

Был он слеп так же, как царевич, но большую часть своей жизни прожил зрячим и знал, какое счастье – видеть своими глазами торжества светлого Золовата. С тех пор, как с ним приключилась беда, старый Нон редко покидал свою кузницу. Ведь потерял он зрение, но не потерял мастерства – мастерство-то в руках осталось. Ур Фта знал, что и в праздник он раздувает горн и стучит своим молотом по наковальне.

Царевич еще в раннем детстве то и дело подолгу пропадал в кузнице. По нраву ему пришли ее жар и запахи, и звуки. И как-то раз было за три зимы до сказываемых событий – старый кузнец обещал Ур Фте выковать триострый цохларан и шлем и соорудить полный доспех. И был у царевича с кузнецом уговор. По нему и поспешил он в кузницу Нона прежде чем впервые сражаться в поединках на площади Зьяф.

А в это время столица пробуждалась от сна. Начинался второй день празднества. Когда собрался народ и царь приказал трубить в зулы и бить в гаргасты, первыми на площадь выехали юноши, прибывшие в Айзур из Пограничной степи. Они были облачены в желтые одежды с изумрудно-зеленой подкладкой, на их шлемах развевались желтые, белые и зеленые перья, к копьям они прикрепили зеленые с золотой каймой стяги. На щите у каждого был изображен поднявшийся на дыбы черный гавард в зеленом же поле. Степняки из Фатара и Стора открыли выезд рядами по четыре, затем, подгоняя своих гавардов, помчались врассыпную и, наконец, первоначальным строем подъехали к навесу, под которым восседал Син Ур. Подобно проделывали все участники турнира, выезжая на поле своей первой, хотя и не вполне настоящей, но решающей дальнейшую судьбу битвы. Обитатели Междуморья в длинных лиловых плащах, с белым оперением шлемов выглядели ничуть не хуже степняков и несли на щитах свою эмблему: перекрещенные стрелы над скованной цепью волной. Поразил собравшихся нарядностью и красотой и отряд из Восточного Залесья. Их общей эмблемой был матерый цери, попирающий черную птицу, их темно-красные одеяния сверкали золотистой прошвой, а розовоперые шлемы – искусно выкованными волнистыми гребнями. Но, пожалуй, не было на том празднике никого краше юных воинов Айзура. Подчиняясь обычаю вежества, они появились на площади Зьяф в последнюю очередь и вызвали бурю приветственных криков. Все они восседали на белоснежных гавардах, были одеты в отполированные до блеска нагрудные панцири и черные – чернее ночи – плащи в чистых ярко-голубых звездах. На воздетых копьях айзурцев

блестели расшитые крупными синдарами темно-синие жесткие прямоугольные стяги, а над черными шлемами колыхались пышные султаны из тонких и длинных белоснежных перьев степной тирвы. Их круглые щиты украшала эмблема Айзура: выходящая из облака и направленная долу шестипалая ладонь с золотыми звездами на кончиках пальцев.

– Наши лучше других, – сказал царь, повернувшись к сидящему подле него советнику Од Лату. Тот улыбнулся и кивнул.

– И царевич великолепен, – сказал великий Син Ур.

– Что ты говоришь? Ведь сын твой на охоте в горах Шо, – сказал на это Од Лат, и в тот же миг его взгляд упал на мелькнувшего среди айзурских всадников черного гаварда. На нем красовался Ур Фта с горделиво поднятым открытым слепым лицом, а перед ним торчала странная фигура в серебристых перьях. Подчиняясь звукам свирели своего спутника, царевич легко обошел строй своих прекрасных ровесников и первым остановил гаварда прямо перед навесом царя.

А надо сказать, что Син Ур в отличие от иных не удивился явлению своего сына на площади Зьяф, ибо поведал ему о том заранее благородный дварт Су Ан.

И вот Ур Фта, оставаясь в седле, поклонился и сказал:

– Прошу тебя, не гневайся, отец. По воле случая мне известно, что нынче настало мое время и, подобно всем родившимся в зиму поединка Су Ана, сегодня я должен испытать свои силы на площади Зьяф.

– Кто же тебе помог сосчитать твои зимы? – спросил царь.

– Это неважно, великий царь, – отвечал Ур Фта, – я уж сказал, что помог случай. Ты скрывал от меня мой возраст, ты думал отвлечь от меня судьбу охотой в Приоблачных лугах. Но судьба распорядилась иначе.

– Мой сын осуждает меня? – сказал Син Ур и сдвинул густые белые брови, делая вид, что разгневан.

– Никто и никогда, тем паче сын и наследник, не осмелился бы осуждать решения великого Син Ура, да не знают поражения в бою семьдесят семь поколений его потомков, – сказал Кин Лакк, и царь взглянул на него так, будто только теперь и заметил.

– Что за птица сидит на шее твоего гаварда и мешает в наш разговор? – сказал Син Ур, по-прежнему обращаясь к царевичу.

– Это мой друг и учитель, – отвечал Ур Фта, – имя его Кин Лакк, он из племени форлов.

Царь на этот раз лишь притворился удивленным, ибо все это ему загодя ведомо было из ночного разговора с Су Аном. А все царское окружение зашевелилось в изумлении неприязни.

– Мы встретились в горах, неподалеку от Ализандового грота, – сказал Ур Фта.

– И я всего лишь обучил наследника великого царя нескольким приемам, весьма полезным в бою. Так что он, конечно, незаслуженно величает меня учителем, – сказал Кин Лакк.

– Добро пожаловать в Айзур, славный форл, – учтиво молвил Син Ур, и Кин Лакк, словно подчиняясь его приветливому жесту, вспорхнул и опустился прямо к ногам царя. И сказал:

– Великий царь, ты видишь в моей руке свирель, чей звук придает силы в бою моему сыну.

– Колдовская свирель? – спросил Син Ур.

– Нет, нет, простая военная свирель. Ее звучание лишь горячит юную кровь и укрепляет решимость на пути к победе, – отвечал Кин Лакк.

Как бы в подтверждение истинности сказанных слов, он выдул короткую бодрящую трель. Ур Фта встрепенулся, но удержался в седле неподвижно, а великий царь только пожал плечами и сказал:

– Юная кровь – на то и юная, что готова разгорячиться по любому и самому малому поводу.

– Отец! – воскликнул Ур Фта. – Позволь мне принять участие в поединках и под звуки военной свирели Кин Лакка испытать свою судьбу на ристалище.

– Нет! Ты еще не готов! – отвечал Син Ур, вновь делая вид, что разгневан. Но не успело разгореться в душе царевича упрямое пламя, как царь еще сказал:

– Ведь гавард у тебя не тот. Замени его белым из моего гавардгала, надень новые доспехи и можешь выезжать на площадь.

Когда отряд черно-голубых айзурских всадников вновь появился на турнирном поле, чтобы сразиться с юными поединщиками из Восточного Залесья, все узнали в красовавшемся впереди царевича. Он не выделялся среди ровесников ни мастью гаварда, ни цветами плаща и доспехов. В глаза бросалось другое – у него не было лица. А когда он достиг середины поля, солнечный луч, пробивший облако, ударил ему в голову и отскочил сверкающим бликом. Так что многие зажмурились или прикрыли глаза рукой. И по склонам, окружавшим площадь Зьяф, заговорили о чудесном шлеме. Самая необыкновенная часть долгожданного подарка, он был изготовлен искусным Ноном из крепкой стали и снабжен сплошным, без единой заметной прорези или отверстия забралом, отполированным до зеркального блеска. Формою и гладкостью шлем напоминал яйцо цери и настолько отличался от обычных таких изделий, что сразу приковал к себе все взгляды. А потому почти никто вначале даже не заметил Кин Лакка, парившего со своей свирелью керпитах в трех-четыре над головою царевича.

Но вот оба отряда заняли свои места и взялись за легкие копья, оставив тяжелые. Под звуки зул и гаргастов они устремились навстречь друг другу, выступив восемь на восемь. Юноши старались копьями сбить перья со шлемов противников. Но и те, и другие довольно искусно прикрывались щитами – и копья, бывшие, собственно, древками без наконечников, никак не могли достигнуть цели. Наконец, Ур Фта, повинувшись понятной только ему свирели Кин Лакка, рванул узду правой нижней рукой, повернул своего гаварда и помчался вдоль фронта, пытаясь обойти соперников. На ходу метнул он копье правой верхней рукой, затем левой верхней метнул ему вслед другое, целясь в перья на шлеме крайнего всадника. Тот щитом отбил первое и уклонился от второго, но к несчастью для себя не заметил, как Ур Фта, продолжавший нестись во весь опор, тут же оказался рядом. Неуловимым движением щита встретил царевич на четверть лума открывшегося противника и выбил беднягу из седла. А когда тот вскочил на ноги и в растерянности завертел головой, Ур Фта, успевший развернуться и вновь пролетававший мимо, сорвал с его шлема розовые перья, просто зацепив их рукой.

– Что ты скажешь на это? – радостно вскрикнул Син Ур, обращаясь к советнику.

– Скажу, что если бы не это стальное яйцо у него на голове, – не менее радостно и возбужденно прошептал мудрый Од Лат, – мне бы и в голову не пришло, будто сын твой ничего не видит.

Меж тем, восьмерка во главе с царевичем уступила место следующей. Игра продолжалась по всем правилам, но столь бодро и горячо, что наблюдать за нею было истинным наслаждением.

Сразу после полудня царь приказал трубить в зулы, что служило для юношей-участников игры – сигналом собраться перед его навесом. Скоро собрались все до единого, и Син Ур приказал угостить их обильной трапезой. А по ее завершении началась самая увлекательная и важная часть турнира. Теперь наиболее храбрым предстояло показать себя в единоборстве.

Правила были просты: соперники съезжались с тяжелыми копьями наперевес, стараясь поразить друг друга, до тех пор, пока один из них или оба враз не оказывались на земле. Дальнейшее зависело от потерпевшего поражение или – в случае одновременного падения – от наиболее пострадавшего. Если он признавал себя побежденным и покидал поле битвы, поединок считался завершенным. Если же он изъявлял желание и сохранял способность на равных продолжать борьбу, бились на мечах, пока один из двоих не упадет, не выронит меч либо не коснется земли рукой или коленом. Хотя в поединках не пользовались боевым оружием – турнир-

ные копья вместо наконечников были снабжены округлыми деревянными болванками, а мечи не вынимались из ножен, – и к тому же некоторые удары – например, в голову – были запрещены, все-таки далеко не каждый осмеливался принять вызов. Страшились не увечий, страшились позора – несмотря на то, что принявшего вызов, независимо от исхода поединка, никто не посмел бы назвать трусом. Но самые храбрые и уже отличившиеся тоже не спешили бросить или принять вызов. Таков был негласный закон, позволявший вперед проявить себя участникам послабее. Вот почему в ходе первой череды поединков вокруг площади Зьяф не умолкали шуточные возгласы и смех, а иной раз и трапеза продолжалась. И только постепенно, по мере вступления в игру все более сильных соперников, утихал смех, возгласы становились горячими и взволнованными, интерес к происходящему нарастал. Так было и в этот раз. Дело приняло воистину нешуточный оборот, когда вызов принял черноглазый Ал Грон, без особенного труда одолел к восторгу своей Чин Дарт одного за другим четверых и в пятый раз выставил щит на середину турнирного поля. Тут желтолицый Фо Гла, подбадриваемый друзьями, взялся было за копье, но взвесил его на руке и отставил в сторону, скромно улыбаясь: вот если бы надо было соревноваться в стрельбе – он не сомневался бы ни лума, а на копьях – это испытание не для него. На этот раз к щиту Ал Грона рысью подъехал угрюмый Бер Сан и уронил его небрежным ударом склоненного копья. Едва ли не с такой же легкой небрежностью выбил он из седла самого Ал Грона, а за ним еще шестерых.

Кин Лакк, давно уже дрожавший от нетерпения за спиной Ур Фты, в очередной раз встре-пенулся и мрачно прохрипел:

– В конце концов, скучно вот так сидеть. Не пора ли нам в поле размяться?

– Пора, – ответил Ур Фта, и Кин Лакк, подскочив от неожиданности, развернул крылья.

Трижды съезжались Ур Фта и Бер Сан, ломая копья. На четвертый раз копье Бер Сана скользнуло по умело подставленному щиту, зато копье Ур Фты достигло цели. Бер Сан вылетел из седла, но запутался ногою в стремях, и гавард поволок его по земле, ускоряя бег. Ловкий юноша каким-то чудом уцепился левыми руками за седельную сумку, а правой нижней выхватил за-за голенища нож, собираясь обрезать стремя. Как вдруг плохо закрепленная седельная сумка, не выдержав тяжести, съехала вправо, и Бер Сан от неожиданности разжал пальцы... Шлем его сбился, и бедняга рисковал вот-вот размозжить себе голову. Но в этот лум Ур Фта подлетел на полном ходу и протянул ему левые руки. Бер Сан принял подмогу и, как только вновь оказался в седле, по-братски обнял царевича под общий восторженный гул.

– Это мой сын, воистину мой! – воскликнул Син Ур.

– И я узнаю в нем тебя, – с улыбкой подтвердил советник Од Лат.

Бер Сан отказался продолжать борьбу, сославшись на то, что, кажется, вывихнул ногу. Поэтому Ур Фта установил свой щит и отъехал на край турнирного поля. Услышав, как опустился и снова устроился за его спиной Кин Лакк, он тихо сказал:

– Благодарю тебя, славный форл. Твоя свирель не только воинственна, но и благородна.

– Как же я мог поступить иначе, пресветлый царевич? – расчувствовался Кин Лакк. – Да ведь и не враг же был перед нами, в самом деле. И уж во всяком случае не презренный крианин.

В это время черный Тан Заф поднял копье и, повернувшись к своему лучшему другу, сказал:

– Наследник Син Ура поступил с тобою прекрасно, и ты, Бер Сан, отказавшись от борьбы с ним, тоже сделал хорошо. Но я буду выглядеть трусом, если немедленно не приму вызов, чтобы постоять за тебя.

– Будь осторожен, Тан Заф, – напутствовал друга Бер Сан, – его слепота ничем не хуже нашего острого зрения.

Уже на третьем столкновении, хотя копья вновь разлетелись в щепки, вместе с этими щепками на землю свалился Тан Заф. Однако падение не причинило ему никакого вреда – он в четверть лума вскочил на ноги и поднял меч, показывая, что готов продолжать поединок.

Ур Фта спешился, отбросил щит и, в свою очередь, взялся за меч. Продолжение поединка было недолгим: самому царевичу даже не пришлось атаковать – отражая четвертый удар, он выбил оружие из рук соперника. А тот, всей тяжестью продолжая двигаться, оступись и упал на одно колено прямо под ноги Ур Фте. Не торопясь выпрямляться, Тан Заф поднял на него свои серебристые, чуть-чуть навывкате глаза и, как завороченный, вполголоса произнес:

– Тяжко придется твоим врагам, да падут они все, о, Ур Фта, наследник Син Ура! Когда мы сошлись, твой шлем непрестанно являл мне мое отражение. Чем ближе я оказывался к тебе, тем более мне казалось, что я сражаюсь с самим собой...

И потрясенный Тан Заф покинул турнирное поле.

После него испытали на себе действие зеркального шлема братья Хи Дап и Хи Гар. Жизнерадостный Са Эт, выбитый из седла копьем Ур Фты, свистом подозвал своего замечательно статного крапчатого гаварда, вскочил на него и, прежде чем покинуть поле, подъехал к наследнику, чтобы поклясться в вечной дружбе. В очередной раз всех удивил силач Тоб Мон. От удара Ур Фты он рухнул на землю вместе со своим гавардом, чрезвычайно крупным и толстолапым зверем, но не растерялся и ушел с поля, взвалив его на плечо, как игрушку. Потерпели поражение и еще девять юных поединщиков, принявших вызов наследника Син Ура. А всего побил он соперников кряду числом пятнадцать, когда, наконец, гордый за сына царь приказал трубить в зулы, чтобы собрались пред навесом все участники турнира, потому что никто из юношей больше не отваживался испытывать на себе силу царевича. Однако его щит, разукрашенный золотой каймой, все еще стоял на середине турнирного поля. И не успели взреветь зулы, как всадник на дымчато-сером гаварде с опущенным забралом и в одеждах с цветами Восточного Залесья из всех сил оскорбительно ударил носком сапога в щит Ур Фты, принимая вызов.

А на вид он был таков:

Стройный стан темно-красным охвачен утаном,
Словно пламенем тонкий габалевый ствол.
Легким искрам подобно, играя, пронзает
Гладь и складки одежд золотистая нить.
Сталь отменной закалки с жестоким отливом
Обняла ему голову, плечи и грудь.
У копья на конце лишь на лум затаилась
Неустанная в злобе коварная смерть.

Син Ур не стал возражать против еще одного поединка. «Что за беда? – подумалось ему. – Нашелся какой-то смельчак и невежа, но вряд ли, сойдясь с Ур Фтою, он продержится в седле дольше других».

С первым же столкновением все увидели, что дело нечисто. Копье царевича сломалось, но удар был точным, и его соперник очутился на земле. Что же до копья, направленного против Ур Фты, – оно не только не сломалось, но пробило его щит и едва не прорвало кольчугу на левой нижней руке. Болванка на конце оказалась вылепленной из хрупкого тайтлана и скрывала наконечник шагайах из тонкой и прочной стали. Ур Фта, едва осознавая, что произошло, сразу отбросил пробитый щит вместе с застрявшим копьем и спешился. Теперь он целиком подчинялся свирели Кин Лакка. Неведомый враг вскочил и, выхватив меч из ножен, шагнул навстречу наследнику.

– Это предательство! – воскликнул Син Ур.

– Это проделки Ра Она, – в ужасе прошептал Од Лат.

– Надо остановить их! Скорее! – В отчаянии царь вскочил и взмахнул рукой, намереваясь отдать приказ, но тут же остановился, услышав голос советника:

– Ни в коем случае! Или ты хочешь вмешательством опозорить сына? Ничего не бойся, он сам постоит за себя.

– Но Ра Он... Разве его злодейские чары не сильнее любого...

Как видно, об этой опасности всесильный дварт Су Ан не смог или не захотел предупредить цлиянского властелина.

Четырехрукий противник Ур Фты тем временем вероломно завершил свое вооружение двумя волнистыми кинжалами, выхватив их из-за спины левыми руками. Вообразив за собой превосходство, он решил атаковать способом «Индриг сплетает кокон». Плоский клинок его меча, разделенный ровным ребром посередине, стремительно описал в воздухе сверкающую двойную петлю. Кинжалы, оба враз, нарисовали тот же узор, но перевернутый вертикально. У царевича не было кинжалов – зато была свирель Кин Лакка, и она вела его к победе кратчайшим путем. Ур Фта взмахнул мечом и ответил врагу приемом «Золотой треугольник», в результате чего выбил кинжал из левой нижней руки. Последовала новая атака – «Арканная петля». Ур Фта встретил ее приемом «Вспыхнувший факел» – и в воздух, вращаясь, полетел второй кинжал, а рука, только что сжимавшая его, повисла, как плеть. За сим преимущество противника было исчерпано. Поэтому Ур Фта, не останавливаясь, провел череду выпадов «Леверка раскрывает бутон», чем заставил врага в замешательстве отступить и уйти в глухую защиту, потом сделал шаг в сторону и замахнулся, как бы собираясь использовать прием «Низкая туча». Во всяком случае, так и подумал его противник и поспешил сделать выпад, называемый «Радужным всплеском», нацелившись в открытую грудь царевича. Но вместо «Низкой тучи» Ур Фта неожиданно резко развернулся, уходя от удара, и в свою очередь нанес врагу удар со спины способом «Падающая звезда». Противник рухнул вниз лицом, выпустив меч, и больше не поднимался. Царевич подобрал валявшийся неподалеку кинжал, опустил рядом с поверженным на одно колено, перевернул его на спину и, подцепив лезвием, откинул ребристое забрало. Раздался негромкий стон.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил Ур Фта, склоняя навстречу стону зеркальную голову.

– Вижу смерть в своих глазах... – прозвучал в ответ слабеющий голос.

– У тебя хорошее зрение, – сказал царевич и с нисходящей трелью свирели нанес последний удар.

Раньше других к телу убитого подоспели юноши из Восточного Залесья и не признали в нем своего. Зато когда сняли шлем, на голубоватом лбу мертвеца обнаружили клеймо – изображение замкнутого в кольцо темного мохнатого индрига.

– Мохнатый индриг? Поздравляю тебя, сын мой, – сказал Син Ур, принимая наследника в свои объятия, – побежденный тобой – раб Ра Она. Верю, настанет день, когда и его господин примет смерть от твоей руки.

И это слово царя – последнее из сплетенных в третий урпран книги «Кровь и свет Галагара».

ЧЕТВЕРТЫЙ УРПРАН

Третий круг завершала массивная братская чаша за пиршественным столом в последнюю ночь Золовата, когда царю сообщили о посланце из крепости Стор. Великий царь, велев продолжаться веселью, удалился в соседние покои в сопровождении одного лишь советника Од Лата. Но холод тревоги не тронул разве самых бесчувственных сердец. Вскоре Од Лат возвратился, прошел вокруг стола и скрылся вновь. На этот раз, повинувшись его негромкому слову, один за другим поднялись и направились в Восточную башню арфанги и старейшие воины Айзура, герои последней войны. Оставшиеся уже не могли бесечно пировать и заговорили о военном совете.

В тот же лум Кин Лакк, сидевший рядом с царевичем, востепенулся, отговорившись нуждою, стремительно вышел из зала и незаметно покинул дворец.

Прервал трапезу и обеспокоенный не меньше других Ур Фта. Прервал и уединился в своей опочивальне. Сидя на тесной лежанке, он раскурил длинную трубку, набитую отборным саркарком, – и события минувшего дня громкой стремительной чередой закружились в его голове. Но тут предрассветная прохлада, ворвавшаяся в проем окна, толкнула царевича в грудь – и он забылся глубоким сном.

Разбудил его на рассвете хриплый голос неугомонного форла.

– Полно спать, царевич! – говорил Кин Лакк. – Гаварды оседланы. Коцкуты набиты под завязку. Все готово для дальнего похода. Пора отправляться, покуда не заперты ворота!

– Воин Цли в походе всегда. Днем и ночью, верхом и пешком, во сне и наяву, живой и мертвый, – воскликнул по заученному с детства царевич, мгновенно стряхнув оковы сна. – Но что случилось, учитель?

– Случилось то, чего ждет Галагар уж не первую дюжину зим; то, что ничуть не удивляет и напротив – повергает меня в веселый трепет; то, что должно было случиться, ибо вперед начертано на камне судьбы в пещерах Фа Эля! Радуйся, царевич! Началась война! Крианское войско перешло Пограничную степь и, оставив четыре грузные дюжины для осады Стора, приближается берегом Асиалы к стенам Фатара. Укбат и Каллар захвачены еще вчера при помощи кораблей, и нынче утром Фатар уж верно будет заполнен беженцами.

– Ты был на военном совете, – не дрогнув, вымолвил Ур Фта.

– Да, я поднялся на крыльях к бойницам Восточной башни, притаился на балке, слышал все и готов повторить слово в слово.

– Какую же часть цлиянского войска доверил мне великий Син Ур? Куда мы направляемся, к Стору или Фатару?

– Ни то, ни другое, царевич. Ибо великий Син Ур не доверил тебе ни единой полдюжины своих воинов. Советник Од Лат, восхищенный исходом турнира, был на твоей стороне. Кое-кто из арфангов поддержал его в твердом убеждении, что ты способен возглавить не только часть, но и все цлиянское войско. Но царь отвечал им во гневе. Он сказал, что вести несметные силы на поле великого боя – совсем иное дело, нежели для потехи размахивать мечом на турнире. И слепому это дело не под силу.

– Довольно! – воскликнул Ур Фта. – Царь хочет еще доказательств – и я представлю их ему!

– Царевич, я думаю так же! – сказал Кин Лакк и весьма неучтиво схватил наследника цлиянского престола за руку. – Мы вдвоем заменим целое войско, и это не пустая похвальба. Послушай, благородный Ур Фта, мне ведомо, что в тылу у кровопийц Кри в землях Тсаарнии несть числа ненавистникам Сарката, готовым по первому зову с оружием в руках выступить против криан. Мы с тобой перейдем горы Шо через Сакларский перевал и не позднее чем через

два дня, прибудем в Набир. Там ты соберешь себе войско и двинешь его на Зимзир и Саркат! Мы возьмем их штурмом, захватим дворец Цфанк Шана и выиграем войну!

– Вдвоем выиграем войну? Прекрасно, – сказал царевич, гордо вскинув лицо. И если бы его глаза не были слепы, они, верно, засверкали бы в этот лум. – Мы отправляемся в путь немедленно!

Кин Лакк не смыкал глаз этой ночью и не терял времени зря. На задах царского дворца у малой пристройки неподалеку от гавардгала их дожидалась пара оседланных и нагруженных всем необходимым гавардов. Это были могучие боевые звери черно-серебристой масти. Фыркающая и негромко рыча в утреннем тумане, они нетерпеливо переступали с лапы на лапу, готовые мчаться без отдыха десятки атроров. Вскочив им на спины, легкой рысью подъехали Ур Фта и Кин Лакк ко все еще по-праздничному распахнутым воротам Айзура и, нахлестывая гавардов кожаными плетками, помчались в горы мимо шатров, окутанных сном под стенами цлиянской столицы. А из бойниц Западной башни за ними следил спокойным взором великий царь Белобровый Син Ур. И когда всадники скрылись за поворотом дороги, он повернулся к стоявшему рядом советнику Од Лату и молвил горделиво:

– Мой сын отправился в трудный поход, и нет никого среди агаров или двартов, кто мог бы его остановить на пути к прозрению и победе. Да сбудется предсказанное Су Аном.

– Время пришло, великий царь, отдать приказ, чтобы ударили в большой военный гаргаст, и объявить твоему народу об окончании праздника и начале славных сражений, – отвечал на это советник.

Целый день Ур Фта и Кин Лакк провели в дороге. Луга сменились редколесьем. Тяжело нагруженные гаварды ступали все медленнее, взбираясь в гору припорошенной влажной тропой. Стволы вековых ави поскрипывали, раскачиваясь на ветру. Солнце, едва пригревая, щедрым светом заливало все вокруг. Вскоре позади осталась неприступная громада пограничной крепости Тайлар, надежно закрывавшая перевал и поблескивавшая на солнце слюдяными вкраплениями в своих стенах из серого мабра. Кин Лакк птичьим взором неспешно обводил открывающиеся дали и время от времени принимался напевать своим хриплым голосом старинную форлийскую витволу:

– Солнце в полете заполнило доли и горы,
Вольная воля дорожке прозрачных саор.
Непроторенным пребудет для черной Мокморы
Форлу покорный холодный высокий простор.

На слух это звучало так:

– Оло аоло аларда адор ти арада
Фолумо фоло тамори глаглада саора.
Сазара форлиом рара аоло глиада
Тэрда ти граза туоло о харда Мокмора.

– Что такое «Мокмора»? – спросил царевич просто для того, чтобы спросить.

Неожиданно для него Кин Лакк всполошился, захлопал крыльями и прохрипел:

– Никогда не произноси этого имени, умоляю тебя, благородный царевич! За ним стоит страшная смертоносная сила.

Ур Фта подумал было, что Кин Лакк не расслышал толком его вопроса и в изумлении сказал:

– Если просишь, не стану. Но разве не это самое слово ты только что растягивал с удовольствием в песне?

– Да разве не ведомо тебе, о благородный царевич, что витвола подобна заколдованной ограде, не пропускающей зла? – Успокоившись, отвечал Кин Лакк и снова запел.

Они проехали еще с дюжину атроров по круто уходящей в гору дороге, и Кин Лакк предложил сделать небольшой привал.

– Думается мне, если мы хотим поскорее достигнуть ночлега, – сказал на это царевич, не знавший голода и усталости, – не следует терять время, рассиживаясь у костра.

– Я знаю эти места, – успокоил его Кин Лакк. – Уверю тебя, царевич, мы на самой границе Великого Царства Цли и можем немного отдохнуть. До того, как начнет смеркаться, эта дорога приведет нас к распутию Зеленого камня, а оттуда уже рукой подать до Саклара, где мы и заночуем.

Привал и впрямь вышел недолгий. Перекусив у небольшого костра солониной из мяса шарпана, густо приправленной зернами жерфа, и пышными корсовыми лепешками, они выпили по несколько глотков рабады, забросали огонь снегом и снова двинулись в гору.

Кин Лакк не ошибся. Едва засобирались сумерки, он велел Ур Фте остановиться возле небольшой зеленоватой скалы. Здесь дорога разветвлялась, так что приходилось выбирать, каким путем следовать дальше.

– Вот никем неслыханное дело, – пробормотал Кин Лакк. – Я всегда полагал, что их здесь три и, чтобы попасть в Саклар, надо выбирать ту, которая посередине. Но если глаза мне не изменяют, перед нами четыре дороги. Какая же из них средняя?

Немного поколебавшись, он объявил, что средних по видимости две, и выбрал ту, что была правее. Непрерывно поднимаясь в гору, они какое-то время молча двигались по этой дороге, слушая, как фыркают гаварды да воздух звенит словно тетивы у лихой дюжины натянутых луков. Затем Кин Лакк, выругавшись, опять велел остановиться и растерянно проговорил:

– Отвратительное чудо из отвратнейших чудес! Вроде бы мы все время ехали в гору, а приехали назад. Сомнений быть не может. Вот он, Зеленый камень. А вот четыре дороги, расходящиеся от него. Но почему их четыре, оземь крылья поломав?!

– Что же делать, учитель? – сказал Ур Фта. – Здесь оставаться невозможно. Я чувствую вкус колдовства. Ты слышишь, как звенит воздух? Выбирай дорогу, и попробуем еще раз.

– Надо ехать по средней, – произнес Кин Лакк тоном наставника. – Но поскольку средних, по-видимому, две и по той, что правее, мы уже прокатились, испытаем ту, что левее.

И эта дорога повела их в гору, но вместо деревни Саклар привела назад к развилке у Зеленого камня. Меж тем сумерки сгущались, и уже становилось очевидным, что до темноты в деревню им не добраться. Приходилось выбирать – или продолжить попытки отыскать нужную дорогу, испробовав оставшиеся две, или расположиться на ночлег прямо здесь, у Зеленого камня.

– Почему-то мне кажется, что даже если мы с разгону кинемся в пропасть, на дне ее нас будет ожидать эта же самая растреклятая развилка, – мрачно заключил Кин Лакк, после чего оба спешили и начали собирать костер у подножья скалы.

Но развести они его так и не успели, потому что вскоре послышались шелканье бича, рычание, и к развилке подошло небольшое стадо в сопровождении пастуха – юного горца в мохнатой шапке, длинном плаще из шкуры гаварда и белых катанных сапожках с красными кистями. Он шагал, насвистывая и играя длинным бичом, и даже не глядел в сторону спешившихся всадников, пока Кин Лакк его не окликнул:

– Эй, честной агар, далеко ли до Саклара?

Юнец отвечал на ломаном цлиянском и говорил неохотно, с ленцой растягивая слова и опасливо посверкивая выпуклыми глазами на хорошо вооруженного Ур Фту, тем временем ошупью проверявшего подпругу на своем гаварде.

– Да-а, ногой подать! Дымок уж носом чую.
– А сам-то оттуда будешь? – продолжал бодро выпрашивать Кин Лакк.
– Сакларские мы, вот стадо гоним.
– А нет ли у вас там какого-нибудь заведения на окраине? Нам бы поесть, попить да переночевать... – Голос у Форла сделался вкрадчивым.
– Постоялого двора что ли? Есть, как не быть...
– Так не проводишь ли нас прямиком туда, честной агар?
– Агар агаром, а не тружуся даром, – сказал пастушок и подлю прищурился.
– Какую же ты хочешь с нас плату?
Пастушок взглянул на форла, словно прицениваясь, и с готовностью выпалил:
– Два рофа рабады, лухтики в голечном масле, крылышко фогоратки, мясную похлебку с корсовой кашей, ломоть идреца с жерфом и дюжину лацаев с вареньем.
– И это все в тебя влезет? – сказал Кин Лакк и в изумлении окинул взглядом щуплую фигурку.
– Что не влезет, с собой унесу, – проворчал несытый мальчишка.
– Ладно, по рукам! – не скрывая радости, воскликнул форл, и оба с царевичем вскочили в седла.

По какой дороге из четырех погнал провожатый свое стадо, Кин Лакк к вящей своей досаде так и не разобрал, хотя наступившая тьма и не была ему помехой.

– Поторопись, сынок! – прикрикнул он на мальчишку, ступавшего неспешно, словно и не ночь кругом. – Поторопись, не то лухтики простынут!

Но не успели они продвинуться и на один атрор, как дорога круто пошла вниз и в долине засверкали огоньки Саклара.

– Какие гости! Какие гости! Рад в оба сердца! – заискивающе проговорил хозяин постоянного двора, с трудом подбирая и произнося цлиянские слова.

– Можешь говорить по-своему, агар, – сказал царевич на чистейшем крианском. – Нам ведомо наречие Кри.

– Но не задавай лишних вопросов, – прохрипел Кин Лакк, отдавая хозяину поводья обоих гавардов.

– Что вы, что вы! Какие вопросы? – сказал хозяин, расплываясь в улыбке. – Никогда никаких вопросов не бывает у меня к честным агарам. Лишь бы платили звонкими хардамами за еду и ночлег.

– Ну и славно, – сказал Кин Лакк, извлекая увесистый кошель из седельной сумки и выкладывая в волосатую лапу харчевника блестящие шарики. – Вот тебе четыре хардама. Если все будет ладно, утром получишь еще столько же.

Он мягко подтолкнул царевича к дверному проему, сам шагнул следом и поманил за собой мальчишку-пастуха, уже отпустившего стадо разбредаться по деревне.

Единственный длинный стол и грубые лавки из струганных досок стояли посреди харчевни, утопая в опилках, которыми был густо посыпан пол. В очаге с уютным треском пылал огонь. Из двери в соседнее помещение доносились соблазнительные запахи. Вскоре явился хозяин, пристроивший в стойла гавардов и задавший им корму. При свете очага и громадной масляной лампы, стоявшей посреди стола, Кин Лакк разглядел его багровое и тоже на редкость масляное обличье.

– Принеси-ка, хозяин, выпить и закусить, а прежде – горячей воды, умыться с дороги, – прохрипел Кин Лакк. Получив воду в чистом котелке и полив царевичу на руки, он услышал недовольное ворчание пастушка, пристроившегося рядом с ними за столом со своим, как видно, излюбленным присловьем:

– Агар агаром, а не тружуся даром.

– Эй, хозяин, а этому юному обжоре подай-ка два рафа рабады, лухтики в голечном масле, мясную похлебку с корсовой кашей, ломоть идреца с жерфом и дюжину лацаев с вареньем.

– И крылышко! Крылышко фогоратки! – утробно проревел мальчишка. Форл усмехнулся, кивнул и с изумлением услышал в ответ:

– Будет исполнено в точности, господин.

Проводив хозяина своим пристальным птичьим взглядом, Кин Лакк тут же наклонился к царевичу и зашептал:

– Не нравится мне эта деревенская харчевня, в которой подают, что ни попросишь. Сдается мне, что нас тут поджидали.

– Ничего не поджидали, – почти закричал мальчишка, неприятно поразив форла своим на редкость тонким слухом. – Это все для охотников наготовили, для охотников из Дигала. Они обещали к вечеру вернуться, охотники-то, и не вернулись.

– А ты откуда знаешь? – страшным голосом спросил Кин Лакк.

– Да уж знаю, – буркнул мальчишка. Но в этот лум, помешав Кин Лакку углубиться в распросы, к столу подоспел хозяин с кувшином рабады и дымящимися горшочками на темной широкой доске. И как только он разлил рабаду по рофовым кружкам, прежде составив горшочки на стол, входная дверь с треском распахнулась и в харчевню влетел какой-то здоровенный молодец с разорванным воротником из белых цинволевых кружев, всклокоченными волосами и горящим взором. Первым делом он рванулся к окну и высадил его, ударив ногой в переплет. Молодец помедлил, развернулся и стремглав кинулся на обомлевшего хозяина. Ур Фта вскочил из-за стола, лишь только грохнула дверь, и схватился за рукоять цохларана, но Кин Лакк удержал его, ожидая, чем обернется дело и не очень-то сочувствуя багроволицему харчевнику. Меж тем неведомый здоровяк сгреб того за грудки левой рукою, правой выхватил из ножен, болтавшихся у бедра, кинжал с волнистым лезвием и, помахивая им под носом у трясущегося хозяина, ровно и внушительно проговорил:

– Если жизнь дорога, покажи, где укрыться, а этим, – он кивнул в сторону распахнутой двери, – скажешь, что я-де выпрыгнул в окно.

Хозяин часто закивал и, освободившись от железной руки, душившей его его же собственным воротом, провел незваного гостя на кухню. И тут же вылетел обратно, причем похоже было на то, что его подогнали хорошим пинком. Едва бедняга отряхнулся, приосанился и сделал шаг по направлению к двери, как на пороге появились новые посетители. Это были деревенские жители – один постарше, коренастый и грузный, как тинтед на задних лапах, и такой же злой. Двое других, молодые и долговязые, так свирепо размахивали коптящими факелами и сучковатыми айоловыми дубинами, что Кин Лакку не удалось толком разглядеть их лица.

– Где он? – заорал коренастый неожиданно тонким голосом.

– Рех, старина, клянусь тебе, он выскочил в окно, – с подкупающей искренностью пролепетал хозяин. Доверчивые преследователи, все трое, не долго думая, вывалились в оконный проем и с воплями скрылись в темноте.

Харчевник некоторое время глядел им вслед, не двигаясь с места, затем очнулся, бросился к разбитому окну, захлопнул уцелевшие ставни и, тяжело дыша, опустился на лавку.

Немного погодя, незнакомец явился из своего укрытия взорам недоумевающего Кин Лакка, мальчишки-пастуха и до полусмерти напуганного хозяина. Он уже успел слегка пригладить кудрявые волосы, привести в порядок одежду и вложить кинжал в ножны. Подойдя ближе к свету, молодец широко улыбнулся и учтиво поклонился Ур Фте и Кин Лакку. Был он о двух руках, но из тех, о ком говорят: «Двумя все четыре переломает». Ростом керпита в полтора, лицом белее первого снега, с глазами черными и горящими как угли и тонкими губами, красными как свежая кровь шарпана.

Густым бархатистым голосом он произнес:

– Позвольте узнать ничтожному ваши восхитительные имена, почтенные агары.

Что-то в этом голосе и в этих чудесных глазах подсказало царевичу и форлу, что можно не таиться и назвать себя незнакомцу.

– Как! Сам наследник великого Син Ура? Долгие годы мечтал я о счастье встретиться с вами и, как говорится, подносить вам стрелы в бою. И вас, наставник Кин Лакк, я давно почитаю за второго отца. Вот только кто бы мог подумать, что доведется встретиться в этой вонючей харчевне на краю жалкой крианской деревеньки!

– Назовите же и вы себя, благородный витязь, – молвил польщенный форл, поддерживая тон тсаарнского вежества. – Произнесите ваше светлое имя, чтобы мы знали, за что благодарить судьбу, ниспославшую нам эту неожиданную встречу, и разделите нашу скромную трапезу.

– Полное имя вашего низжайшего слуги – Нодальвирихциуглигир Наухтердибуртиаль, но вы, дабы не утруждать себя, зовите меня просто Нодаль.

Во время этого учтивого разговора никто не обращал внимания на мальчишку-пастуха, который с ужасом уставился на могучего Нодаля и, сжавшись как затравленный зверек, уже было собрался нырнуть под стол. Однако это ему не удалось. Нодаль кинул в его сторону быстрый взгляд и почти одновременно, схватив мальчишку за волосы, вытянул на свет.

– Ах, это опять ты! – воскликнул он и вдруг, к изумлению своих новых знакомцев, дважды наотмашь ударил мальчишку по лицу, приподняв его за волосы над полом. – Что затеял? Смотри в глаза и отвечай.

Царевич вздрогнул и сжал рукоять цохларана. У Кин Лакка мгновенно вылетели из головы все церемонии вежества. Тем не менее, он сдержался и сумел подобрать слова:

– К лицу ли такому могучему витязю, как вы, почтенный Нодаль, избивать беззащитное существо?

– Оставим церемонии, друзья, будем на ты! – вдруг воскликнул Нодаль, не выпуская мальчишки и расхохотался. – Это он-то беззащитное существо? Погодите, сейчас я вам его покажу.

С этими словами он стал совать пастушку в рот содержимое одного за другим всех горшочков, стоявших на столе. Мальчишка ревел и безропотно сносил это издевательство, так что скоро жаркое залепило ему рот.

– Все ясно! А не хочешь ли хлебнуть глоточек-другой рабады?

Мальчишка умолк и отчаянно забился в руках неумолимого Нодаля, ни за что не желая плотнеть из кружки, только что стоявшей перед царевичем.

– Возможно, питье отравлено, – снова вмешался Кин Лакк, – и возможно, его отравил этот маленький негодяй. Но верно, кто-то его заставил...

Он не успел договорить. Нодаль швырнул мальчишку в опилки, навалился на него, сжал ему пальцами ноздри и, когда тот начал ртом хватать воздух, влил в него остатки расплескавшегося содержимого кружки. Царевич успел выхватить цохларан, но Кин Лакк опять его остановил. С отвращением он глядел на то, как шуплое тельце, простертое на полу, дергаясь в судорогах и извиваясь, чудесным образом изменяется. Руки и ноги на глазах выросли, вытянулись и покрылись рыжей с черными подпалинами шерстью. Затрещала по швам одежка. С выросшей, словно распухшей, головы, напротив, исчезли все до единой волоски, и она превратилась в обтянутый желтоватой морщинистой кожей череп. Глаза покрылись мутной поволокой, вылезли из орбит и остекленели. На огромном уродливом лбу проступили очертания мохнатого индрига.

Кин Лакк, не в силах более переносить омерзительное зрелище, отвернулся и сказал, обращаясь к царевичу:

– Это был раб Ра Она, у него на лице – знак мохнатого индрига.

– Раб Ра Она? – как ни в чем не бывало поддержал разговор Нодаль. – Возможно. Я этого не знал. Но уж кого-кого, а этого оборотня-хэца я всегда отличу. Вернее, отличал. Надеюсь, теперь он уже никогда не сумеет своими кознями повредить честным агарам.

(Хэц – вероятно, значит «отравитель». – А. З.)

Он пнул ногой окончательно принявшего свое истинное обличье и окостеневшего с выпущенными когтями оборотня, и весело крикнул:

– Эй, хозяин! Отнеси эту пададь подальше. И доставай все доброе из выпивки и закуски. Да смотри, я заставлю тебя попробовать каждое блюдо. Не за одно ли ты с этой нечистью.

– Клянусь вам, господин! – пролепетал все с тою же подкупающей искренностью хозяин, взвалил мертвого оборотня на спину и выволок во двор.

К немалому удивлению Ур Фты и Кин Лакка, когда стол уже ломился от яств, Нодаль сдержал слово и заставил хозяина перепробовать все блюда и напитки.

– Впрочем, это разумная предосторожность, – сказал Кин Лакк, припомнив свои опасения и попытку оборотня заморочить им голову историей с дигальскими охотниками.

– Любезный Нодаль, я и мой друг обязаны тебе жизнью, – торжественно произнес царевич. – Этот подвиг достоин великой награды, и ты получишь ее, когда я воссяду на айзурский престол.

– Благодарю тебя, царевич. Это не потребовало больших усилий. Зато я, кажется, едва не лишился жизни от твоего цохларана, не в обиду будь сказано, – не удержался Нодаль и добродушно рассмеялся. Царевич в смущении молчал, и Нодаль уже серьезно добавил: – Но если припомнить внешние признаки происшедшего, нетрудно прийти к убеждению в том, что тебе присущи истинное благородство и самоотверженность, о царевич!

– Увы, славный витязь, – сказал Ур Фта, – моя проклятая слепота не позволила мне сразу понять, где истина, и вовремя узнать оборотня.

– Не клевети на себя, о Ур Фта, – вмешался Кин Лакк, – ведь и мне с моим острым зрением не сразу удалось разобраться, что к чему.

– И все же ты понял скорее и, к счастью, не допустил, чтобы я кинулся с оружием на своего спасителя.

– Пустяки! – воскликнул Нодаль и придвинул к себе огромную чашку ароматных золотистых лухтиков. – По твоим мудро вопрошающим глазам, бесценный форл, я вижу, что обязан разъяснить вам, друзья, обстоятельства моего появления в этой убогой харчевне. Но поскольку я с самого утра разгуливаю без единого зернышка корса во рту, вы, надеюсь, не будете против, если мой рассказ послужит приправой к этим замечательным, хотя и недостойным, о Ур Фта, твоего сана, деревенским кушаньям?

Ур Фта и Кин Лакк подтвердили, что и сами не прочь приступить к трапезе, тем более если она не помешает их новому знакомцу поведать свою историю.

Но как только Нодаль осушил кружку рабады и принялся уничтожать одно за другим стоявшие перед ним кушанья, сделалось совершенно очевидным, что он не сможет выговорить ни единого слова, пока не утолит свой богатырский голод. Не упускали своего и царевич с форлом.

Наконец, когда на столе уже почти ничего не осталось, хозяин по требованию царевича принес пару отлично просушенных трубок. Ур Фта извлек сверкающий камнями кисет и угостил Нодаля своим саркаром. Они раскурили трубки, а Кин Лакк, не ведавший прелести бодрого горечью дыма, принялся, смакуя, потягивать из кружки горячий черный мирдрод. И Нодаль приступил к рассказу.

– Не скрою, друзья, с детства я испытывал необыкновенную страсть к слабой половине Галагара. Мои любовные приключения начались едва ли не в колыбели, и я не стану утомлять вас рассказами о своих победах на полях нежных сражений в разных краях и весях. Происхожу я из Сарфо, но кто мои родители – к несчастью, не ведаю до сих пор. Меня воспитывала в своем убежище посреди Асфорского леса юная отшельница-рарава. Она нашла меня в Сарфо

на базарной площади, где я валялся в крязовой корзине, наполненной опилками, и орал во все горло, требуя материнского лелода. И добрейшая рарава сунула мне в губы сосок своей пустой, но крепкой и ладной груди. Она стала моей матерью и возлюбленной одновременно. Я и теперь с благодарностью вспоминаю о ней. Ее крупные бледные губы, семицветные глаза со стрельчатыми зрачками, густые серебристые волосы, свисающие до колен, запечатлены в моей памяти навек и доныне приводят меня в неизъяснимый трепет. Первый раз я ушел от нее в десятую зиму и с тех самых пор скитаюсь по всему Галагару. Остается добавить, что воинскому ремеслу я обучился в Обители Небесного Взора у великого дварта Олтрана, где трижды зимовал в отрочестве. Не стану до поры ничего добавлять к этим ничтожным сведениям о моей жизни, трудной и извилистой, как верхнее течение Зиары. Перейду-ка лучше к событиям прошедшего дня, чтобы поскорее уважить ваше драгоценное любопытство. Сюда я пешком пришел из Зимзира, поверив болтовне одного старого укротителя стриклей, с которым свел там довольно близкое знакомство. Он не раз очаровывал меня рассказом о сакларских красотках, гибких как стволы мубигала, ароматных как айола в цвету, крутобедрых и круглогрудых, нежных мастериц плести любовные клидлы и ублажать достойных искусными ласками. И что же? Пройдя две сотни азталов, сегодня после полудня я вошел в эту убогую деревеньку, заглянул под разными предложениями в добрый десяток домов, полюбовался на здешних жен и девиц, которых, понятно, не принуждают прятать лица от чужих агаров, как в Зимзире и Саркате, и справедливо решил, что зимзирский укротитель стриклей выжил из ума или просто решил надо мной посмеяться. Подобных уродок и грубиянок я не видывал даже среди толстопятых жительниц восточного предгорья Галузы! Как вдруг... Сколь часто судьба одаривала меня этим неожиданным лумом, разжигающим ароматное пламя в груди? Не знаю, сосчитать нелегко, но смею надеяться, что чаще, нежели иных агаров. Одарила и накануне вечером. Доведенный до отчаянья переживанием бессмысленности своего похода, сам не знаю как, забрел в один дом, здесь неподалеку. Ничего лучше не придумал, как в третий раз попросить напиться. Во дворе хозяин и двое парней, как видно, его сыновья, работали пилой и топорами, и воздух был наполнен волшебным ароматом опилок дерева ави. Друзья мои, это так много для меня значит! Вспомните, что первое любовное прикосновение я испытал, лежа в корзине с опилками. Так вот, я вдохнул этот запах, окунулся в течение доброй памяти, поднял глаза и вижу: кружку с водой подает мне прелестное существо зим пятнадцати от роду, тонкая и прозрачная как лепесток тиоля, с огромными желтыми глазами и пышным пучком темно-золотистых волос над теменем. И обращается ко мне с учтивой речью. Ее невысокий хрипловатый голосок сразил меня окончательно. Мы перемигнулись и обменялись заветными словечками: я – о любви и о встрече, она – о времени и месте. Такая ее сметливость сразу подсказала мне, что я буду не первым агаром в жизни юной красавицы. Наша встреча принесла новое и уж вовсе неоспоримое тому подтверждение. Хотя все это происходило в овине на охалках корсовой соломы, от наслаждения я был как в залидиоловом сне или на вершине Галузы и думал, что пребуду в этом бреде до рассвета. Но случилось иначе, волшебный сон прервали эти мужланы с дубьем и факелами, ее отец и братья...

– Не понимаю, – сказал царевич, – отчего могучий Нодаль предпочел спастись бегством от деревенских увальней...

– О, благородный Ур Фта! – с негодованием воскликнул Нодаль. – Ты давеча едва не кинулся на меня с цохлараном, решив, что в опасности тот, кого ты считал беззащитным мальчишкой. Но не полагаешь же ты и в самом деле, что я способен обижать или, чего доброго, убивать насмерть беззащитных существ, да еще и троих кряду!

– Сколько я помню, – сказал Кин Лакк, – вид у них был весьма свирепый, да и дубины увесистые. Как же ты называешь их беззащитными существами?

На это Нодаль только расхохотался и скромно добавил:

– Не сочти за бахвальство, наставник, но, надеюсь, ты когда-нибудь увидишь меня в нешуточной схватке с дюжиной-другой агаров и вспомнишь наш сегодняшний разговор.

– А что ты скажешь о крианском воинстве? – спросил Кин Лакк, испытующе глядя Нодалю прямо в глаза. И эти глаза загорелись таким страшным пламенем, что Нодаль мог бы ничего и не говорить, но он сказал:

– Ненавижу. Криане – двартоубийцы. Они погубили лучезарного Олтрана и разрушили Обитель Небесного Взора.

– Тогда и я надеюсь, что скоро увижу тебя в схватке и возьму свои сомнения назад, – сказал на это Кин Лакк.

– Надеюсь и я, – молвил царевич. – Потому что с этого дня принимаю тебя на службу, храбрый Нодаль. Согласен ли ты?

– Согласен, но при одном условии.

– Каково же условие?

– Время от времени я буду отлучаться и, быть может, надолго. Но в беде не оставлю. Приду по первому зову, и лучшего слуги вы не найдете во всем Галагаре.

– Я уважаю твою любовь к свободе и принимаю условие, – сказал на это царевич. – Ведь я нуждаюсь в таком агаре, который был бы мне верным соратником. Клейменные рабы, подобные рабам Ра Она, лишенным собственной воли, мне без надобности.

– Если позволит царевич, – сказал Кин Лакк, – я хотел бы удовлетворить свое любопытство, испросив у любезного Нодаля ответа еще на один вопрос: каким непостижимым образом удалось ему разглядеть в деревенском мальчишке зловердного оборотня?

Нодаль выпустил колечко дыма и отвечал:

– Есть несколько хитростей, которым обучил меня светлой памяти Олтран. Ну, например, какое бы обличье ни принимал оборотень, подобный этому хэцу, у него вот здесь, – и он, склонившись к форлу, ткнул себя указательным пальцем в середину левой брови, – имеется чуть заметный излом и маленькая такая красная искорка, будто гнилушка светит... Но это разглядеть, конечно, трудно. Тут умеючи надо. А этого хэца я сразу узнал потому, что уж встречался с ним дважды. Он ведь и меня пытался отравить. Так его-то отличить было проще простого. По белому ободку вокруг правого зрачка. В первый-то раз я его сразу раскусил, но прекрасная Сэгань нечаянно заплатила за это жизнью. Нас было трое за столом и пришел ей в голову каприз: чтобы я поил ее мирдродом из своей чарки, а она меня одновременно – из своей. Хэц тогда улизнул и, видать, не подозревал, что я успел его ободок приметить. Недаром Олтран мне говорил: «Гляди оборотню в глаза. В глазу – его особенная примета». И во второй раз это меня спасло. Явился мне хэц в Тиолевом квартале Зимзира. Обернулся такой бизиэрой, каких я прежде не видывал. А уж я повидал их на своем веку, верьте на слово. Сидит на лавке у дома – крупная, статная, почти чернокожая, а руки белыми волосками покрыты, и грива – снег, аж глазам больно! Смотрит на меня, поигрывая цалкаловым веером – как сквозь облако дурмана. Зубки голубые показала и говорит:

– Восемь лицов – и я твоя на всю ночь.

Вывернул я карманы, наскреб всего шестьдесят хардамов. Она пересчитала, а четырех-то не хватает. – Ладно, – говорит, первый без клиддя и в расчете. Пойдем.

Меня прямо в дрожь бросило. И пошел я за ней, как гавард в поводу. Но как только она мне кружку за столом поднесла, ободок-то в глазу и засветился. «Э, нет, – думаю, – никакая ты не бизиэра!»

– И чем же кончилось тогда? – спросил царевич.

– Да ничем. Успел в комнату заскочить, проклятый, за дверь, и дверь на засов. Хорошая была дверь, атановая с железной оплеткой и толщиной в два моих кулака. Надо было мне сразу плечом навалиться, а я с разбега вздумал. Ну разбежался, дверь упала, а его уж и след простыл, только занавеска в окне раскрытом плещется да ковер на полу волосами этими снежными усыпан. Кто бы мог подумать, что опять наши тропинки пересекутся?

– Вся эта история лишний раз подтверждает, что наша встреча – счастливое предзнаменование. И ваши судьбы, твоя, царственный Ур Фта, и твоя, храбрый Нодаль, связаны благородными двартами в крепкий узел, – сказал Кин Лакк. – Недаром зловредный раб проклятого Ра Она пытался повредить вам обоим. Одно непонятно – отчего Ра Он в те долгие зимы, что я проводил в своей пещере, не пытался достать и меня, меня, которому ныне довелось служить царевичу глазами. Быть может, Фа Эль охранял меня своей невесомаю силой?

– Или Су Ан своим могущественным заклатьем, – сказал Ур Фта. – Но как бы то ни было, не нам судить о делах и решениях двартов. Путь агара лежит под его собственной стопой. Меч агара повинуетя его собственной руке. Тайна – условие всех условий. Я не стану разгадывать ее, сидя в безопасном месте. В сражениях проложу себе путь к свету и уничтожу Ра Она.

– Эй, царевич! – вскрикнул Нодаль. – Ра Он и в самом деле не зря подсылал ко мне отравителя! Встретив меня, ты можешь считать, что уже избавился от своей слепоты.

– Не могу допустить мысли, дорогой Нодаль, чтоб ты вздумал шутить по поводу моего рокового увечья. А потому спрашиваю тебя, почему ты сказал то, что сказал, и с трепетом жду ответа.

– В самом деле, любезный витязь, отвечай поскорее, и если путь царевича к прозрению окажется короче, чем я предполагал, что ж, думаю, он, и обрета зрение, не прогонит меня с моею свирелью, и мы еще повоюем как следует.

– Слушайте же, друзья, слушайте и – смотрите, – торжественно вымолвил Нодаль и, развязав ворот, извлек висевший у него на груди голубой самородный кристалл, засверкавший в лучах масляной лампы пурпурными искрами. Нодаль перекинул через голову цепочку и бережно положил камень на стол кверху большой прямоугольной гранью.

– Великий Фа Эль! – воскликнул Кин Лакк, чьи глаза, прикованные к камню, лихорадочно сверкали. – Да ведь это настоящая саора, чистейшей воды, и в ней должно быть, дюжины полторы халиатов весу! Откуда она у тебя, любезный Нодаль?

– В этом, увы, я не смогу удовлетворить твое любопытство, наставник. Откуда – мне неизвестно, ибо когда меня нашли в корзине с опилками, эта игрушка уже болталась у меня на шее. Так что смело можно сказать: этот камень принадлежит мне с рождения. Но взгляни, наставник, на его главную грань.

Кин Лакк склонился над столом и вскрикнул:

– Да! Я вижу царапины, тонкие словно пыльца. Они складываются в знак. И я узнаю его. Это один из знаков листвы.

– Я и не сомневался, наставник, – сказал Нодаль, – в том, что листва тебе ведома. А теперь погляди, что будет, когда я положу камень на ладонь и он напитается ее теплом.

Кин Лакк, не отрываясь, вглядывался в сверкающую грань и говорил как замороженный:

– Да, да! Я вижу! Один знак листвы сменяется другим, другой третьим. Они складываются в слова, слова образуют какое-то изречение. Вернее, вторую его половину. Мне нужно прочесть начало, чтобы уловить смысл.

– Не утруждай себя, наставник, – с улыбкою вымолвил Нодаль. – Запечатленное в камне изречение является буква за буквой от начала до конца и вновь от начала – как являлась бы нашим глазам надпись на кольце, вращающемся перед ними. Я читал эти слова тысячи раз и знаю их как свои шесть пальцев.

Только теперь царевич узнал, а Кин Лакк еще и заметил, что у Нодаля на руках по шести пальцев, и оба сочли это добрым знаком.

– Слушай же, царевич, те строки, что являет моя чудесная саора под действием тепла агарской руки, – сказал Нодаль и произнес нараспев, растягивая и смакуя каждое слово:

– Речи вернет себе дар
Вместе со звуками слуху,

Если возлюбит агар
И поцелует старуху.
В зрение дверь отворит
Взявший невинность крианки,
Если глаза окропит
Кровью из девичьей ранки.

– Что ж, это очень важное и своевременное указание, – сказал Кин Лакк, – но, хотя среди нас, к счастью, нету немых и глухих, думается мне, что воспылать страстью к беззубой старухе было бы легче, нежели сыскать не лишённую девственности крианку.

– Ты прав, наставник, варвары Кри каждую девчонку чуть ли не в младенчестве подвергают нелепому обряду, который они именуют шаншартом. Случаясь с хорошенькими крианками, я всякий раз переживал эту дикость как личное оскорбление.

Нодаль вновь нацепил дивный камень себе на шею и с досадой грохнул по столу кулаком.

– Но я много путешествовал по землям, что волей судьбы именуются ныне Крианским царством, слушал досужие и нетрезвые речи в харчевнях и на базарах, внимал ворчанию угрюмых старух и болтовне беззаботных бизиэр. Приходилось мне водить дружбу и с ворами, и с дворцовыми стражниками в Саркате. Коротко говоря, я знаю, почему в этих краях капля дождя и крупинка соли. Так неужели мне неизвестно, где найти единственную верную девственницу среди крианских красавиц?

– И где же ее можно найти? – нетерпеливо спросил царевич.

– На женской половине столичного дворца, разумеется. Ибо это никто иная, как дочь самого крианского царя, прекрасная Шан Цот. По крайней мере, порукой ее невинности служат дюжина крепких ворот на хитроумных запорах и целое войско стражников, окружающее дворцовые стены.

– Но отчего же царевне удалось избежать обычного шаншарта? – молвил Ур Фта, и в голосе его сквозило смущение.

– Царевна с рождения обручена. Отец ее суженого, властелин Миргалии Ар Гоц не признавал крианских обычаев и, заключая перемирие с Цфанк Шаном, скрепленное обручением детей, потребовал, чтобы крианская царевна девственницей вошла в дом его сына. Цфанк Шан до сих пор опасается жителей Миргальского леса и держит данное слово. Из-за этих опасений он, по смерти Ар Гоца, и уговорил его сына Гоц Фура стать наместником в Корлогане, бывшей форлийской столице. Место покойное и сытное. Но не потому согласился Гоц Фур и дал превратить свою Миргалию чуть ли не в часть Крианского царства. Говорят, он совсем обезумел от любви, просто бредит красотой Шан Цот и предстоящей свадьбой. А Цфанк Шан все водит его в поводу и не спешит закрепить родство – боится, что Гоц Фур, поостынув, изменит. Не царевне, конечно – до этого Цфанк Шану дела нет, – но крианской короне. Полагает крианский властелин, и справедливо полагает, что миргальские лучники и косари только и поджидают, когда вернется молодой Гоц Фур. А уж тогда они нарушат все планы Цфанк Шана.

– Но наших планов, – сказал Кин Лакк, – то, что ты нынче открыл нам, витязь, не нарушит.

– Каковы же они, эти планы, уважаемый наставник?

И форл не спеша изложил Нодаль замысел, на котором сошлись они с царевичем перед тем, как покинуть цлиянскую столицу на рассвете минувшего дня.

– Увы, огорчу вас обоих, – молвил Нодаль на это. – Идти в Тсаарнию поднимать мятеж – сколь опасное, столь и безнадежное дело. В Сарфо и Набуре еще с середины зимы свирепствуют отряды наместника Цкул Хина. Главари давно уже схвачены и казнены. Лучших воинов угнали на Черные копи, откуда никому не бывало возврата.

– Что же ты посоветуешь делать, любезный Нодаль? – спросил царевич.

– Как что? Втроем идти в Саркат и похитить царевну. Вернуть свет твоим глазам, благородный Ур Фта – теперь самое главное. А вслед за солнцем да воссияет тебе веселое зарево победы!

И этим благим пожеланием завершается четвертый урпран книги «Кровь и свет Галагара».

ПЯТЫЙ УРПРАН

В то утро, когда герои покидали Саклар, одолело зимнюю стужу дыханием теплого ветра, запела вода на свободе и черным как сажа вдруг сделался путь. И лапы гавардов зачавкали в месиве грязи.

До самого края деревни Нодаль ютился в одном седле с Кин Лакком, пожалевшим его желтые тарилановые сапоги. Но вот Саклар остался позади, и гаварды легкой иноходью проследовали в довольно тесное ущелье, ведущее под гору и кипящее низом ручьями. Здесь Нодаль попросил ненадолго остановиться, прямо со спины гаварда с ловкостью юного шарпана соскочил на скальный выступ и побежал в гору большими прыжками. Но не успел он достигнуть обширной площадки на высоте около десятка тикубов над дорогой, как ушей его коснулся предостерегающий оклик форла. Нодаль обернулся и заметил давешних своих преследователей, все с теми же дубинами рвавшихся к его кудрявой голове. Правда, числом их было теперь поменьше. Молодцы где-то оставили своего отца, того, что был словно тинтед на задних лапах: видать, старика, утомленного бесполезной погоней, одолел сон.

Нодаль, покосившись на них, не повел и бровью. Передвигаясь прежним способом, он очутился на сказанной площадке в то самое время, когда к ней подобрались и его ненавистники. Только им оставалось пройти вдоль склона еще уктаса полтора. Нодаль плечом навалился на обломок скалы, возвышавшийся посреди площадки, и опрокинул его на бок. Затем он склонился и извлек из невидимого снизу тайника большущий стальной посох, тщательно отделанный, покрытый темно-красным лаком и украшенный ближе к одному концу тремя выпуклыми серебристыми кольцами. Нодаль на один лум выставил сжатый двумя руками посох прямо перед собой, слегка согнул ноги в коленях и, глядя на своих преследователей, страшно выпучил глаза. Затем он крутанул посохом над головой и с воплем, раскаты которого переположили всю живность окрест, опустил его на только что опрокинутый камень. И камень, взорвавшись острыми брызгами, раскололся натрое, словно в него ударила красная молния, ниспосланная каким-то могущественным двартом.

Деревенские мстители застыли на месте с разинутыми ртами, затем глянули в ущелье, где гарцевали на месте двое всадников вида отнюдь не миролюбивого, затем переглянулись, кубарем скатились на дорогу – и кинулись бежать в сторону Саклара. Нодаль, расхохотавшись им вслед, отложил посох и извлек из своего тайника доспехи и сбрую. Надев на себя длинную тонкую кольчугу и отполированные до звездного блеска наручи, застегнув с ременной перевязью изумительный пояс, украшенный пластинами речного афата и приладив посох наискось за спиной, он вложил себе в рот шестые пальцы обеих рук и свистнул так, что мертвый бы, верно, проснулся. Не позднее, чем на третий лум после богатырского свиста, откуда-то сверху с перестуком мелких камней, осыпающихся из-под лап, спустился могучий гавард бурой масти с волной белоснежного крапа, словно иней блестящего на его гладкошерстных боках. Нодаль, быстро и ловко приладив сбрую, вскочил в седло – и вскоре из ущелья на дорогу, ведущую в Дигал, выехали трое вооруженных всадников.

– Позволь-ка взглянуть на эту твою замечательную вещь, – на ходу обратился к Нодалю Кин Лакк и едва не выронил в грязь темно-красное чудовище, любезно протянутое ему витязем.

– Да в нем не менее десятка циалов! – с почтением воскликнул форл и передал посох царевичу.

– Ровно восемь, – скромно уточнил Нодаль.

– Мне не доводилось упражняться с таким оружием, – сказал Ур Фта, внимательно ощупывая посох.

– Как только сумею улучшить на досуге время, я с радостью обучу царевича нескольким приемам, – учтиво проговорил Нодаль и с некоторой долей ревности отправил посох на место.

Все трое без устали погоняли гавардов, и около полудня вдали показались острые крыши Дигала, небольшого крианского городка в верховьях Зиары, жители которого с гордостью говорили, что Саркат пьет их воду. Нодаль взялся продать в Дигале гавардов и нанять лодку, чтобы добраться в столицу кратчайшим путем. Ур Фта и Кин Лакк согласились на это не сразу. И особенно усердствовал в сомнениях форл, столь тщательно выбиравший гавардов в царском гавардгале. Все же, наконец, он смирился с предстоящей потерей и согласие было достигнуто. Дело оставалось за малым – благополучно добраться в Дигал. Но это теперь представлялось не столь уж простым делом, ибо со стороны городка на дороге показались всадники, и Нодаль невозмутимо сказал:

– Тагунский разъезд. Числом – дюжина и один. Зайгалами размахивать – мастера.

Ни царевич, ни Кинн Лакк не успели вымолвить на это ни слова, как раздался властный пронзительный голос:

– Кто такие? Стойте и отвечайте, именем великого Цфанк Шана, властелина Кри и Цли!

– Это гнусная ложь и самозванство, – негромко сказал царевич, а в сторону вопрошавшего с достоинством выкрикнул:

– Здесь Ур Фта, сын воистину великого царя Белобрового Син Ура, и его походная свита.

– Твоя воля, благородный царевич, – вполголоса проговорил Нодаль, доставая из-за спины посох, – Но теперь придется перебить всех до единого. Не следует допускать, чтобы в Саркате раньше времени узнали о твоём прибытии.

– А, это ты, слепой вонючий выродок белобрысого айзурского сарпа! – вновь крикнул тот, кто, по-видимому, стоял во главе отряда. – Как же это тебя мамки без присмотра выпустили? Не ровен час, лобик расшибешь!

Царевич ничего не ответил, только скрипнул зубами, быстро надел на голову шлем, грохнув тугою застежкой, и протянул в сторону Кин Лакка левые руки:

– Лук и стрелы! – словно со дна железного колодца донесся до форла голос Ур Фты.

Тагунский командир, меж тем, хохотал, откинувшись в седле, а вместе с ним веселилась и вся дюжина его подчиненных.

– Дозволь, благородный Ур Фта! – воскликнул закипающий гневом Нодаль. – В три афуса я скину их головы в грязь как мячи для игры в бозабар!

– Постой! Мне нанесли смертельное оскорбление, – раздался из-под зеркального забрала далекий голос царевича. – И не ты, славный Нодаль, прольешь кровь, которою оно будет смыто.

Царевич поднял в вытянутой руке черный лакированный лук и, наложив стрелу с накопчиком хо отменной закалки, натянул тетиву, словно прицеливаясь куда-то в сторону, далеко от гогочущих всадников. Это еще больше развеселило их начальника, грузного, осанистого крианина в лихо заломленной тагунской шапке с пучком черно-желтых кистей на макушке.

– Глядите-ка! – вновь закричал он во все горло. – Этот урод с железным яйцом на башке еще и стрелять собрался. Того и гляди попадет в кого-нибудь... случайно! Эй, ты, царевич безглазый! А я – Кул Лах, дюжинник тагунской заставы третьего...

Договорить он не успел. Царевич вдруг развернулся, мгновенно прицелился на голос и спустил тетиву. Уныло и коротко просвистев, стрела раздробила крианину верхнюю челюсть и вышла сзади, пробив затылочную кость.

– Убит? – крикнул царевич.

– Убит, – раздался в ответ голос форла.

– Дозволь, благородный Ур Фта! – повторил Нодаль, воспользовавшись лумом панической тишины в рядах противника.

– Дозволяю, – сказал царевич. Тишина взорвалась шелканьем плеток и улюлюканьем тагунов, в тот же лум перекрытыми боевым воплем Нодаль. Он устремился им навстречу, и посох вращался в его руках, словно соломинка в водовороте.

Утекло не более шести афусов – и все было кончено. Искалеченные тела валялись на площади в дюжину круговых уктасов. Причем среди них оказалось четыре гаварда с проломленными черепами и сломанными спинами, которых Нодаль нечаянно задел своим посохом в пылу сражения. Он подъехал к царевичу и, поборов толчки слегка сбившегося дыхания, сказал:

– Дорога в Дигал свободна, благородный царевич. К твоему удовольствию, мы теперь же можем завершить переход.

По пути в Дигал не случилось более ничего примечательного. В городе Нодаль без труда удалось продать гавардов за хорошую цену и нанять лодку до Сарката. Сбрую, доспехи и кое-какой провиант, закупленный тут же на дигальском базаре, сложили на корму под навесом, сплетенным из тонких побегов мубигала. Двое дюжих лодочников согласно кивнули, когда Нодаль после короткого совещания сообщил им, что отплыть решено завтра на рассвете. Но как только они услышали, что плыть придется весь день без остановок, чтобы успеть в столицу глубокой ночью, оба враз замахали руками и, сделав вид, что ни за что не согласятся плыть на таких условиях, потребовали убрать с их лодки поклажу. Поломавшись немного и добившись от Нодаль удвоения платы, они, однако, вновь закивали, с довольными улыбками и вполне избавившись от страха перед тяготами предстоящего пути.

К вечеру короткая галагарская весна начала двенадцатидневное царствование и воссела на шатком своем престоле. Теплый воздух пронзили пьянящие ароматы. Закатное солнце пригревало как жарко натопленный круглый очаг.

Устроившись на постоялом дворе неподалеку от лодочной пристани, царевич и его спутники вышли в сад, простиравшийся на задах гостиничного пристроя, и уже не пожелали оттуда уходить. Они велели накрыть себе стол в изящной мубигаловой беседке, окруженной густыми зарослями цветущих бирцид. После обильной трапезы, состоявшей из маринованной речной лирды, белых миарбов в лиглоновом уксусе, длинных серебристых рузиавов, вместе с икрой обжаренных в зеленой заливке, и хрустящих палочек лахи-гухи из отборной корсовой муки, все трое принялись смаковать здешний напиток – кисло-сладкую гирану – и заедать питье, как принято в Дигале, темно-синими ягодами клах. Именно этим сочетанием вызывались приятное головокружение и нежный мелодичный звон в ушах. Оцепенение разорвал хриплый голос Кин Лакка:

– Напиток чересчур тонкий и более пристал изнеженным красавицам, погруженным в бесплодные мечты.

– В самом деле, – сказал царевич, отставив резную чарку. – Не пора ли подумать и обсудить, что станем мы делать в Саркате.

– Полагаю, лучше всего – разделиться, – сказал Нодаль, не подумавший выпускать свою чарку из рук, и закинул себе в рот парочку дурманных ягод. – Мы без особого труда проникнем в город. Это я беру на себя. Затем ты, царевич, и ты, наставник, позаботитесь о гавардах. Надо будет проникнуть в левое крыло царского гавардгала и вывести трех, ибо царица весит немного, да и в седле ей будет не удержаться.

– Ручаюсь, мы выберем самых крепких, – сказал Кин Лакк. – Но продолжай, славный Нодаль. Ты, верно, тем временем направишься прямо во дворец.

– Вернее некуда, если не сказать – прямо в опочивальню царицы. Вот эти чудесные зернышки набирского залидиоля я вложу ей в ноздри, и до тех пор, пока кто-нибудь не извлечет их обратно – думаю, благородный царевич сделает это собственными устами – царица будет погружена в безмятежный сон. Затем я выйду с ней из дворца и поспешу к краю Мигоновой рощи у Северных ворот, где вы с гавардами наготове будете поджидать меня и мою драгоценную ношу. После этого я снимаю стражу, открываю ворота – и мы свободны как ветры прилива.

– Что же, прекрасно, – сказал Кин Лакк, – но ни мне, ни благородному царевичу ни разу в жизни не доводилось бывать в крианской столице. Не заплутать бы нам, оказавшись в незнакомом городе, да еще во мраке ночном.

– И об этом не беспокойтесь. Впереди у нас целый день пути. Я успею описать вам каждый закоулок, а для тебя, наставник, изображу Саркат, каким он выглядит с высоты птичьего полета.

– Твой план хорош, – задумчиво молвил царевич. – И мы попытаемся его осуществить. Но как вы думаете, учитель Кин Лакк и быстроумный Нодаль, куда мы направимся, выехав за пределы Сарката с похищенной царевной?

– Быть может, обратно в Дигал, через Саклар – и в войско великого Син Ура? – наобум предположил Нодаль.

– Ошибаешься, любезный Нодаль. Выехав через Северные ворота, мы и отправимся на север. И устремимся, не слишком задерживаясь на привалах, к самой границе Миргалии, туда, где возвысила свои неприступные стены восьмибашенная Эсба.

– Четыре с лишним сотни аэталов, – сказал невозмутимый Нодаль. – Вероятно, будем на месте к концу четвертого дня.

– Замысел царевича осветил мой разум, как солнце в полночь! – воскликнул Кин Лакк. – То, что не суждено свершить нам в Тсаарнии, мы свершим в миргальских землях! И если ты, славный Нодаль, говорил правду о лучниках и косарях из Миргальского леса, жаждающих мятежа, – мы достигнем исполнения желаний. И вернемся в Саркат среди бела дня во главе мятежных отрядов.

– Предположение о том, что сказанное мною о миргальских головорезах не вполне соответствует истинному положению вещей, не соответствует истине, уважаемый наставник, – с великодушной улыбкой вымолвил Нодаль.

Кин Лакк молча кивнул и, поднявшись, предложил прогуляться по саду. Солнце скрылось, и в наступивших сумерках благоухание сделалось почти невыносимым. В буре белоснежного цветения бирцид, чьи маленькие лепестки уже кружились в воздухе на гребнях теплого ветра, все трое вдруг остановились. И Кин Лакк сказал:

– Разное может случиться. И не диво, если удача не всегда будет сопутствовать нам на избранной трудной дороге. Принесем же клятву, славный витязь, теперь, посреди этого прекрасного вертограда, в том, что не отступимся и не предадимся спокойной жизни, станем верно служить благородному царевичу до тех пор, пока он не вернет в глаза свои свет и не уничтожит злокозненного чернородного дварта Ра Она.

Кин Лакк опустил на колени и прикоснулся рукою к руке царевича.

– Скорее погибнем, – сказал Нодаль и сделал то же самое. Позднее были еще сложены об этом такие строки:

Стал на колени последний из племени форлов
В чистом, как помыслы, вихре весенних цветов.
Рядом склонился могучий боец шестипалый,
С девами нежный, в бою беспощадный к врагам.
Клятву слепому царевичу дали герои —
Следовать рядом туда, где победа и свет.
Смяты цветы – но вовек нерушимого слова
В логове мрачном страшится злокозненный дварт.

Наутро лодка с тремя героями на борту под небольшим прямоугольным парусом, подгоняемая свежим рассветным ветром и плавным течением зеленоватых вод Зиары, заскользила по направлению к Саркату.

Не будем говорить о том, как проводили время в пути царевич и его спутники, ни повторять слова форлийских витвол, которыми веселил сердца Ур Фты и Нодаля славный Кин Лакк, ни пересказывать произносимые тогда для забавы бесконечные истории любовных приключений витязя с посохом, давно заключенные в отдельную книгу, сотрудицу в грезах любвеобильных юнцов.

Перешагнем через день с пристани утра на берег ночи, взлетим на высокую стену из белого сафа вместе с Кин Лакком или, подобно Ур Фте и Нодалю, перелезем через нее по сброшенной форлом веревке из крепких волокон рудлы – пока неусыпные стражи расходятся в разные стороны, повернувшись друг к другу спиной. Оставим двоих у ворот гавардгала и проследим за третьим, крадущимся вдоль стены к восточным воротам сада, окружающего царский дворец.

Ты, верно, спросишь: к чему эти лишние хлопоты? Отчего бы не дожидаться ясного дня и не войти в город с толпою жителей окрестных сел, стекающихся на базарную площадь Сарката? Почему бы не купить гавардов вместо того, чтобы красть их, да еще из-под носа у царских гавардиров? Ты недоумеваешь, не в силах подыскать какой-нибудь ответ на эти свои вопросы? Ну что ж, оттого ты и не был никогда в Галагаре, оттого и не стоял в ту ночь рядом со знаменитым Нодальвирхицуглигиром Наухтердибуртиалем, который, крадучись на женскую половину царского дворца, задушил волосяною удавкой одного за другим добрую дюжину отборных стражей, вооруженных топорами на длинных рукоятях, отомкнул не одну дюжину хитроумных запоров и, затаив дыхание, остановился у двери в опочивальню царевны. Прислушавшись и оглядевшись по сторонам, он мягко толкнул дверь и ступил за порог, перешагнув через тело здорового евнуха, облаченного в безрукавный тисан и широкие сатьяры из белого и алого цинволя. Нодаль сделал несколько шагов по направлению к невысокому ложу, занавешенному полупрозрачным чидьяровым пологом, – и его сознание помутилось. Но помутилось лишь на один мимолетный лум и, конечно, не от каких-нибудь подлых умыслов. Просто вдохнул он едва уловимый аромат драгоценных курений, витавший в сонных покоях прекрасной Шан Цот, или коснулся тяжелой рукой невесомой волнующей ткани...

Преодолев понятную слабость, Нодаль склонился над ложем и холодно глянул на царевну, окутанную сном. Ее черты, залитые теплым светом, струящимся из множества пристенных фонарей, сияли спокойным совершенством. А все же верный витязь был невозмутим, словно глядел в бревенчатую стену. Пошарив за пазухой, он извлек заветные зерна залидиоля, взял их с ладони в щепоть и протянул руку к погибельно прекрасному лицу. Как вдруг ресницы Шан Цот задрожали, и она широко раскрыла глаза, сверкавшие подобно двум громадным альдитурдам, упавшим на снег. Но отважный Нодаль не дрогнул и спешно пустил свои зернышки в ход. В тот же лум волшебные глаза царевны, неотрывно глядевшей витязю в лицо, подернула томная дымка, и выражение ужаса в них сменилось глубокой волной сладострастия. Однако и эта волна не захлестнула твердое сердце героя. Он не стал дожидаться, пока веки царевны опустятся под тяжестью новой дремы, наспех завернул ее в сорванный тут же чидьяр и кинулся прочь из дворца, неся на плече сокровище, завладеть которым не чаяли и во сне несметные дюжины ловких агаров. А в мягком ларце, где хранилось сокровище прежде, теперь лежал, утопая в пуховых подушках, бездыханный евнух с выпученными глазами и широко раскрытым ртом.

Нодаль двигался быстрым бесшумным шагом по запутанным галереям женской половины дворца, пересекал, держась как можно ближе к стенам, просторные залы, озаренные мириадами светильников. Время от времени слух его чутко улавливал малейшие шорохи и иные подозрительные звуки. Несколько раз он сворачивал не в ту сторону, где, по его разумению, лежал кратчайший путь наружу. То и дело раздававшиеся топот ног и сдавленные крики указывали на то, что подвиги витязя на пути в опочивальню царевны уже обнаружены и следует ожидать серьезного столкновения с целым отрядом стражников за любым поворотом. Теперь

это представлялось ему нежелательным делом: ведь надо было прежде всего беречь царевну и постараться выиграть время.

И все же стычки избежать не удалось. В тот лум, когда Нодаль приблизился к концу длинного, едва пропитанного тусклыми отблесками редких светильников перехода, его внезапно ослепило пламенем полудюжины смоляных факелов, и в гуще их шаткого света сверкнули смертоносные лезвия зайгалов.

Не выпуская царевны и только крепче прижав ее к отведенному плечу, славный витязь выхватил из-за спины свой чудовищный посох и провел им с правого плеча свистящую дугу, перечеркнувшую стражников, словно кровавой кистью. Но немедленно им на смену накатила новая полудюжина. Гул впереди нарастал, и Нодаль, отбивая атаку за атакой, одновременно стрелял глазами в поисках выхода из этого узкого места. Теперь действительно надо было торопиться: еще роф-другой – и, обнаружив пропажу царевны, поднимут на ноги весь столичный гарнизон, перекроют все ворота, так что выбраться из Сарката будет не так-то просто.

Наконец он углядел в темной нише слева и сзади то, что искал, или, во всяком случае, очень на то походившее. Не переставая работать посохом и удерживать противников на изрядном расстоянии, Нодаль неожиданно отступил на шаг вправо и, оперевшись плечом о стену, ударил в темную нишу ногой. Дверь, скрывавшаяся в тени, с грохотом распахнулась – и он, пригнувшись, ринулся в проем, не ведая, что там его ожидает.

Удерживая дверь богатырской спиной под нарастающим прибоем размеренных ударов, славный витязь обнаружил, что очутился в кромешной темноте. Но, втянув воздух ноздрями, он без труда определил, что это за место. В трех шагах перед собой нащупав посохом скользкую покатую поверхность, Нодаль точно подгадал между двумя ударами, с ревом сотрясавшими ему спину, и шагнул в сторону, освобождая дверь и закрыв телом свою драгоценную ношу. В тот же лум рев и треск слились воедино и добрая дюжина нодальных преследователей с беспорядочными воплями, цепляясь друг за друга, отправились вниз по зловонному полукруглому желобу, предназначенному для спуска нечистот.

– Вы ступайте, а я там обойду, где почище, – сказал он, подтолкнув к желобу последнюю пару стражников, сумевших-таки задержаться в дверном проеме, и, не слушая их удаляющихся воплей, кинулся обратно в галерею.

Верхом на лучших гавардах Крианского царства встретили похитители царевны солнце нового дня. И пустившиеся вдогонку царские слуги отставали от них на два атрора. И расстояние это за целый день не сократилось ни на один керпит, а за ночь увеличилось во много раз. Затем солнце вновь поднялось на правом и, прокатившись над головой ушло за левое плечо царевича. И только тогда он и его не ведающие усталости спутники натянули поводья и сделали первый привал. На расстоянии трех керпитов от струившегося из-под земли ключа в мягких травах под сенью одинокого габаля Нодаль расстелил свой белый таранчиковый плащ, и царевич бережно опустил на него прекрасную Шан Цот, все еще объятую беспробудной сладостной дремой.

– Теперь она в твоей власти, эта несверленная саора, о благородный Ур Фта, – сказал Нодаль, прикоснувшись к плечу царевича. – Прикажи – и вдвоем с почтенным наставником мы удалимся на положенное расстояние, чтобы стать на страже твоего покоя. А тем временем ты, как говорится, снимешь с девы все сорок сатъяр, осчастливишь ее бессмертной раной и свершишь предреченное талисманом, дабы завтра увидеть рассвет...

– Сердцу моему отраднa твоя обо мне забота, любезный Нодаль, – отвечал Ур Фта, склонившийся над царевной. – Но я донельзя разгневан твоими словами. Не медля возьми их обратно! Или ты на самом деле решил, что царевич из рода айзурских дарратов способен ради сугубой корысти случиться с благородной царевной без свадебного обряда, наспех, в голой степи, даже не испросив ее согласия и любви, словом, уподобившись какому-нибудь ошалевшему порску, кидающемуся на самку в пору весенней течки?!

– Беру, беру свое слово обратно, о благороднейший из благородных. И да простит меня в сердце своем великодушный царевич за дикий мой нрав и недостаток вежества, столь явный в присутствии достойнейших всякой хвалы. Завершив наш поход, мы непременно войдем в неприступную Эсбу и огласим ее улицы веселым свадебным пиром.

– Это сбудется наяву, если мы не станем тратить время на пустые разговоры, подкрепимся на славу и как следует отдохнем, прежде чем вновь пуститься в дорогу, – сказал мудрый Кин Лакк. – Не следует ли разбудить царевну, чтобы она поделила нашу трапезу и тем поддержала свои телесные силы?

– Что до телесных сил, – возразил с улыбкой Нодаль, – то лучшего для них подкрепления, чем волшебный залидиолевый сон, просто не существует в Галагаре. Верно, тебе, наставник, не ведомы свойства чудесных набирских зерен, а я не однажды испытывал их на себе. Видишь улыбку, что играет на устах царевны? Прекрасная Шан Цот спит, и ее сновидения полны усад и восторгов. Она вкушает любимые яства, поглощает самые утонченные напитки из царских погребов, слушает небесные звуки стострунных крианских тантринов и упивается собранием желанных ее сердцу существ, торопливо исполняющих любое желание царевны. И хотя все эти призрачные события творятся только в безмерных владениях дурмана, они поддерживают в теле жизненный дух и освобождают любого от низменных нужд на несколько дней и ночей.

Покончив с трапезой, царевич положил между собой и царевной свой триострый цохларан, извлеченный из ножен, и мгновенно погрузился в сон. Неподалеку по другую сторону неохватного ствола векового габаля устроился Кин Лакк. Они с Нодалем условились попеременно стоять на страже, и Нодалю по жребию выпала первая половина ночи.

Как только его спутники пустились по волнам ровного дыхания, крошечная тьма обняла витязя на страже, и он ощутил во всем теле неодолимую теплую тяжесть. Но не привыкать было славному Нодалю бороться и с этой напастью. Скинув одежды, он омылся ключевой водой, затем извлек из-за пазухи пурпурный мешочек и, отсыпав часть его содержимого на ладонь, принялся натирать себе грудь и плечи. То был порошок, изготовленный из семян лестерца, называемый в Тсаарнии хуш-раш, или Черное Пламя.

Ветер усилился – и на небе вспыхнули звезды, будто угли ветром раздуло. Стиснув зубы, Нодаль стоял, запрокинув голову, и бормотал себе под нос какие-то страстные речи. Сна – как будто и не бывало.

Минула четверть ночи – и витязь в схватке с новым приливом сладкой сумрачной жажды потянулся было вновь к мешочку с ядреным хуш-рашем – как вдруг воздух наполнился шумом пугающих крыльев. Нодаль схватился за лук и выдернул из колчана стрелу, но в тот же лум руки его сами собой бессильно повисли. На нижние ветви габаля опустилась белоснежная степная сужица величиной в пол-агара, и вся она, словно изнутри, лучилась прекрасным радостным светом. Нодаль не заметил, как от ее крика пробудились Ур Фта и Кин Лакк. Меж тем, чудесная вестница сложила крылья и голосом, хрипотою напоминавшим голос последнего форла, быстро и отчетливо проговорила по-цлиянски:

– Льется ныне кровь недаром —
В безопасности Айзур.
Верх одержит под Фатаром
Над крианами Син Ур.
Путь на север выбран кстати:
Здесь проложен таруан.
Только завтра на закате
В годы Ло уйдет Су Ан.
Ночи хитрое творенье —
Дивноокая Шан Цот:

Тот, кому она – спасенье,
На беду ее берет.

С последними словами сужица развернула громадные крылья, взмыла над темною кроной габаля и растворилась в звездном небе.

Первым воцарившееся молчание прервал Нодаль.

– Что вы на это скажете, мудрый наставник и благородный царевич? Кажется, чудесная сужица принесла хорошие вести?

– И хорошие, и худые, как показалось мне, – отвечал Кин Лакк, – но можем ли мы вполне доверять словам таинственной птицы?

– Не сомневайся, учитель! – воскликнул царевич. – Правда, не все сужицы в Галагаре служат великому дварту Су Ану, зато нет ни одной, что служила бы его врагам.

– Ну что ж, в таком случае ясно: твоя родина, благородный Ур Фта, пока что вне опасности, хотя и ценою проливаемой братьями крови. Остается сожалеть лишь о том, что победа в битве под Фатаром будет добыта без нашего участия. Зато, если нам удастся осуществить свой замысел и повести Миргалию на Саркат, мы можем рассчитывать на подмогу и при благоприятном стечении обстоятельств соединимся с наступающим войском Син Ура...

– Беспощадный Кин Лакк уже заговорил о подмоге? – изумился царевич. – Разве мы не уговаривались накануне, что выиграем войну вдвоем?

– О, царевич, видит Фа Эль, мой воинственный пыл ничуть не угас! Но разве не противно полководческой мудрости – отказываться от содействия дружественных сил и рваться в бой наугад, доверяясь игре тщеславных стремлений? И разве мы по-прежнему вдвоем? Или ты забыл о славном Нодале? А может, считаешь, что нам должно отказаться от союза с ним?

– Ты прав, наставник, но если позволит благородный царевич, позволь и ты разъяснить, как я понимаю его тревогу.

– Говори, любезный витязь. Кто знает, быть может, мои тревоги понятны тебе более, нежели мне самому.

– Благодарю, великодушный Ур Фта. Я только хотел сказать наставнику Кин Лакку, что, соединившись с войсками непобедимого Син Ура, тебе, царевич, нелегко будет проявлять собственную волю в походе и в битве, волю арфанга, не так ли?

– Да, это так. Ты заглянул мне в самую душу, быстроумный Нодаль. Я готов подчиниться царю, но только после того, как докажу несправедливость слов, сказанных им на военном совете. Только после того, как во главе с собственным войском стяжаю победу хотя бы в одной великой битве!

– Да свершится по слову твоему, и не будем больше об этом, драгоценный Ур Фта, – смиренно проговорил Кин Лакк. – Тем более, что вещая птица подтвердила твою прозорливость в выборе нашего пути. Но не раскроет ли мне кто-либо из вас значения таинственного слова «таруан», произнесенного ею?

– Охотно, учитель, – откликнулся царевич. – Слово это знакомо мне с самого детства. В Айзуре часто говорят, провожая в дальний путь доброго друга: «Да будет дорога твоя таруаном!» Повелось так с незапамятных времен. Но таруан – не выдумка: в последний раз он был проложен великолепным Су Аном от Саина до Айзура, когда Белобровый Син Ур двигался по этой дороге с пышной свадебной процессией, увозя из Междуморья красавицу Дан Бат.

Мятежник Эн Лан, замышлявший во главе лихой дюжины напасть на процессию, погубить царя и завладеть Синезубой Дан Бат, испытал действие таруана на себе.

– Так значит, таруан – это чары, служащие защитой от врагов?

– Таруан – галерея невидимых сводов. Оказавшийся в таруане, движется он или стоит на месте, поднимается в заоблачные выси или уходит в подводные глубины; спит или бодрствует,

живет или умирает – для всех, кто враждебно настроен к нему, просто перестает существовать. Но таруан – средоточие силы Су Ана и не может сохранять свое действие слишком долго...

– Воистину чудо! – воскликнул Нодаль. – А я-то, глупец, истязал себя ядреным хуш-рашем! Очень надо было стоять на страже, когда никакому злоумышленнику не под силу нас обнаружить! Ведь так, царевич? Мы не существуем теперь даже для зловредного Ра Она и всех его оборотней, вместе взятых?

– Никакие злые чары не могут проникнуть под своды таруана, – с улыбкой подтвердил Ур Фта. – Ты мог бы спать себе спокойно.

– Мог бы, но не спал, и – клянусь первозданным яйцом – уснет теперь не скоро!

– Не смею возражать, но почему ты сказал то, что сказал, мудрый Кин Лакк? – в изумлении спросил Нодаль.

– Неужели ты не помнишь сказанное вешью сужицей? Я затвердил слово в слово и могу повторить: «Завтра на закате в горы Ло уйдет Су Ан». Что это значит?

– А-а! Понятно, – со вздохом вымолвил Нодаль. – Это значит, что завтра на закате своды таруана рухнут. А чтобы их руины не погребли нас под собою...

– Мы должны продолжить поход немедленно и на завтра к вечеру постараться проникнуть за неприступные стены Эсбы, – добавил Кин Лакк.

– Ты прав, учитель, но пока мы седлаем гавардов, я счастлив был бы услышать твое и любезного Нодаля мнения о той части известия, в которой чудесная сужница упомянула Шан Цот.

– Ясно одно, – сказал Нодаль, в сердцах перетянув подпругу, – похитив царевну, мы выбрали единственно верное решение: царевна спасет тебя, царевич, стало быть, прозрение твое не за горами – на исходе первой брачной ночи.

– Кто знает, – проворчал Кин Лакк, уже вскочивший в седло, – спасти-то она спасет и, быть может, не одного царевича: похищали-то мы ее все вместе. Зато и несчастье она нам принесет непременно. Ведь птица сказала: «Тот, кому она – спасенье, на беду ее берет».

– Поздно теперь, учитель, раздумывать и гадать о грядущих бедах, сделанного не переделаешь, минувшего не воротишь, – воскликнул царевич и, прижав к могучей груди спящую Шан Цот, стегнул плеткой гаварда.

И гавард его умчался прочь из пятого урпрана книги «Кровь и свет Галагара».

ШЕСТОЙ УРПРАН

Крепость Эсба, в Миргалии известная также как Восемь Башен, была возведена в правление третьего из миргальских ванобов Зец Неда на громадном холме вблизи того самого места, где воды Таргара делятся на пять рукавов и так впадают в Дымное море. Стены Эсбы, сложенные из привозного темно-зеленого брабида, вздымались над склонами холма на две дюжины керпитов, а из них еще на добрый уктас к высокому небу вытягивались башни с остроконечными кровлями и узкими прорезями бойниц. Холм, на котором стояла крепость, был окружен бездонным рвом, заполненным вечно холодной водою Таргара. На север и северо-запад простирались казавшиеся непроходимыми заросли Лаймирской чащобы. Подойти к крепости с востока не позволял полноводный Таргар. Единственная дорога вела сюда с юго-запада. По ней и подъехал царевич Ур Фта со своими спутниками к небольшому подъемному мосту через ров. Здесь их остановили суровые стражники в простых кованых латах и грубых шишаках с низкими гребнями, вооруженные большими скругленными топорами и железными пиками. Стражники не потрудились поднять мост ввиду малочисленности представшего перед ними отряда, но проехать по нему вооруженным незнакомцам не позволяли. Нодаль без особого труда побросал бы их в ров вместе с пиками и топорами, но дорога за мостом, круто поднимаясь по склону, упиралась в такие ворота, стиснутые с обеих сторон чудовищными контрфорсами, что и Нодаль, и остальным показалось наиболее разумным вступить в переговоры уже здесь, у моста.

В здешних краях все немного умели по-криански, и объясниться с миргальцами было нетрудно.

Услыхав, кто перед ними, стражники вытащили откуда-то заспанного коротышку в лестерцовой рубаше и что-то крикнули ему на своем наречии. Тот не стал тратить времени даром, несмотря на малый рост, с великим проворством умчался по направлению к крепостным воротам и скрылся за ними, протиснувшись в предоставленную ему невидимыми призраками узкую щель.

Спустя некоторое время из ворот, на этот раз открывшихся гораздо шире, выехали и спустились к мосту через ров всадники числом полдюжины. Одеты и вооружены они были довольно богато, особенно тот, что ехал впереди на черно-серебристом гаварде. На голове этого всадника не было шлема, отважное чистое лицо обрамляли длинные белоснежные волосы и борода; крепкое коренастое тело облегла дорогая тонкой работы кольчуга, укрепленная затейливо изогнутыми наручами и оплечьем вороненой стали. Подъехав вплотную к вытянувшимся стражникам, он приказал им посторониться и шагом пустил своего гаварда навстречу незнакомцам. За ним последовали остальные. Примерно на середине моста он едва заметно натянул поводья и остановился.

– Я – Дац Дар из рода лаалов, второй ортлиц Миргалии и комендант Восьми Башен, – сказал он на хорошем крианском. – Назовите и вы себя, честные агары.

– Здесь царевич Ур Фта, наследник цлиянского престола, и его походная свита – Кин Лакк, последний воин крылатого племени форлов, и славный витязь родом из Тсаарнии по имени Нодальвирхицуглигир Наухтердибуртиаль.

– Чего же ты ищешь под стенами Эсбы, царевич? Мы никогда не враждовали ни с форлами, ни с царством Цли, но Миргалия давно в союзе с крианами, а криане воюют с Айзуrom. Наши братья в рядах крианского войска также скрестили сегодня оружие с твоими сородичами. Так не убраться ли тебе по добру, по здорову, покуда я не приказал моим воинам обнажить мечи и поговорить с тобою и твоими на языке военного времени?

Нодаль в этот лум улыбнулся чему-то своему и как бы невзначай похлопал гигантскою шестерней по рукояти своего посоха, сверкавшей серебристыми кольцами в лучах заходящего солнца над правым его плечом.

– Ты не сделаешь этого, отважный Дац Дар! – вмешался Кин Лакк, вытянув единственную свою руку в предостерегающем жесте.

– Отчего же?

– Ты не сделаешь этого по двум причинам. Первая. Ты ненавидишь криан так же, как мы, и ждешь только удобного случая, чтобы разрешить на языке оружия кое-какие разногласия с ними. И вторая причина. Ты, как и все твои, считаешь позором для наследника Миргальского царства сидеть наместником в Корлогане и кланяться крианскому царю.

– Вот в этом ты прав, последний из форлов, клянусь семиствольным видрабом! – воскликнул Дац Дар, и глаза его загорелись недобрым пламенем. – И этот позор тем обиднее, что сын и наследник нестигаемого Ар Гоца обрекает свой народ на сиротство из-за пары крианских сатъяр!

– И то верно! Разве подобает воину и царю забывать свой долг и менять престол на рабское место, хотя бы и в ногах крианской царевны? Но взгляни сюда, вот они, эти сатъяры, о коих ты ведешь столь гневную речь.

– Как? Ты говоришь правду, форл? Эта девчонка на руках твоего господина – царевна Шан Цот? Не в плену ли ты заблуждения?

– Уверю тебя, отважный Дац Дар, он говорит правду, и заблуждения тут быть не может, – ответил за Кин Лакка царевич. С помощью моих верных слуг мне удалось похитить царевну прямо из дворца в Саркате, и теперь я намерен, свершив положенный обряд, войти к ней как можно скорее.

– И тем самым, заметь, о миргалец, – подхватил Кин Лакк, – раз и навсегда устранить причину вашего позора и повернуть законного наследника Гоц Фура лицом к миргальскому престолу. А кроме того, есть у нас смелые мысли и о том, как поставить на место крианских наглецов. Мы поделимся этим с тобою. И я уверен, найдем общий язык.

– Это полностью меняет дело. Я распоряжусь, чтобы наши женщины уже сегодня начинали готовить царевну к обряду. Молодым будут отведены лучшие покои. Я дарю лихую дюжину сарпов и сорок бочек рабады для пира. Завтра же сыграем свадьбу! Добро пожаловать в Эсбу, благородный царевич! Здесь вы будете в полной безопасности.

Комендант, оставаясь в седле, отвесил церемонный поклон царевичу и посторонился, уступая дорогу. Миргальцы, сопровождавшие его, подражали в этом своему предводителю. Когда Ур Фта и его спутники приблизились к крепости, ворота по знаку Дац Дара широко распахнулись и за ними открылась обширная площадь, окруженная каменными домами в два и три этажа. Кое-где в сумерках вспыхивали и плыли огни факелов, кое-кто с любопытством глазел на неведомых пришельцев, провожаемых самим комендантом, а иные проходили стороной, не обращая на них внимания. Тем временем небольшая процессия продвигалась в сторону Главной башни, откуда вскоре донесся размеренный гром большого данадзона. Так Эсба привечала нежданных гостей.

Разгоряченный стремительным ходом событий и обрадованный легкостью исполнения сокровенных желаний, Ур Фта внес царевну на руках в отведенные для нее покои и пожелал немедленно прервать ее забытие. Но Дац Дар убедил его прежде смыть дорожную пыль и надеть на себя одежды, подобающие случаю, каковые тут же были царевичу поднесены.

Какими бы прекрасными ни были залидиоловые грезы Шан Цот, – явь, представшая ей с пробуждением, тоже была недурна. Просторные покои под резным видрабовым сводом, открывшиеся ее взору, были украшены расстеленными и развешанными повсюду бело-голубыми шкурами миргальских килканов. Здесь и там сверкали прекрасной полировки бронзовые зеркала. Царевну окружали милейшего вида проворные девицы, готовые исполнять любую ее

прихоть. Прямо перед нею на изящном столике из черной, резанной в кружево древесины блестящими камнями и золотистой оплеткой кувшины с ледяным журиалом и драгоценным соком оэлы, теснились на прозрачном блюде нежные плоды белого сердцевника и алые как кровь, спелые ягоды бирциды, соблазняли сладостным ароматом слегка запотевшие пластики цумилиновой гарзилы. А еще рядом с нею был прекрасный юноша с гибким станом и четырьмя сильными руками. Лик его был отважен и чист. Одежды – подобающие царскому роду. Глаза его были велики, темны и неподвижны. Слова – ласковы и учтивы. Он робко притронулся к руке Шан Цот и назвался царевичем Ур Фтою. Капризная, избалованная царевна не могла подобрать слова, приличные случаю. Она была вместе напугана и очарована происходящим и молча приняла из рук царевича легкую чашу искристого журиала, быть может, полагая, что все еще спит и видит сны, ниспосланные неведомым зельем.

Вскоре царевич, испросив на то дозволения, удалился, а ловкие служанки под руки увели Шан Цот за высокие темные ширмы, где омыли ей тело невесомой водою и умастили его драгоценными притираниями. Не успели они расчесать и убрать царевне волосы, как в покои, низко кланяясь и хихикая, вошла полногрудая темноволосая крианка, одеждой, да и всем своим видом походившая на бизиэру из тиолевых кварталов Сарката или Зимзира. Она принялась без умолку болтать, распаяя в сердцах царевны похоть удивительными историями. Беспечно провела Шан Цот в ее обществе полночи. Игры, песни и увлекательные рассказы чередой заполнили время. Наконец, веселая подруга, прощаясь, прильнула устами к плечу Шан Цот и шепотом подтвердила свое обещание – завтра обучить ее шестнадцати любовным клиддям.

Утомленная царевна откинулась на чуткое белоснежное ложе, смутно догадываясь, к чему ее ловко готовят, и в тот же миг сонным рассудком запуталась в милых сетях, расставленных поворотливой бизиэрой.

На следующий день царевич рассеял сомнения Дац Дара, без гнева и упрямства изъявив согласие взять в жены прекрасную Шан Цот по миргальскому обряду. В крепости вовсю шли приготовления к свадьбе. На бойне под ножами мясников ревели сарпы, обреченные для пира щедрым комендантом. Площадь перед Главной башней пересекли скоро сооруженные столы. Тут и там перекачивали бочки, связками носили битую птицу, снимали с возов корзины, наполненные таргарскими красноперыми жемчужинами и пучеглазыми буктами вперемежку с пучками прибрежной зелени. Вскоре после полудня ударили в большой данадзон, загудели миргальские бьолы и рассыпались веселым звоном бубенцы из галузского серебра.

Кин Лакк и Нодаль в праздничных зеленых миргальских одеждах вошли в покои царевича. Ур Фта повернулся на их голоса, и оба увидели, что он уже готов к встрече невесты. Волосы вокруг его головы были заплетены в длинные тонкие косички и собраны на затылке в одну косу, убранную небесно-голубой лентой и четырьмя крупными алмазами. Одет царевич был в серебристо-черную куртку из отменного латката, расшитую крупными левверками и перехваченную по талии поясом с бахромой в виде корсовых колосьев. Широкие штаны из белоснежного цинволя были заправлены в синие тариановые сапоги, доходившие царевичу до колен. Лицо его сияло как полная луна в безоблачном небе. Но уста были стиснуты в жесткую складку, и неподвижные глаза под густыми синеватыми бровями походили на окна, распахнутые в зимнюю ночь.

Следом за верными спутниками царевича на порог ступил Дац Дар, взявшийся вывести жениха навстречу невесте. С низким поклоном он вымолвил:

– Великий вечный солнца данадзон
Вниз покати с полуденной вершины,
Сквозь заросли дремучие кручины
Влюбленным путь прокладывает он.

И прочие слова, обычные для миргальского свадебного обряда.

Когда он кончил положенные речи, взял царевича за руку и вывел за порог, там уже стояла дивная Шан Цот в окружении пышной ликующей свиты. Все, кто мог созерцать ее в тот афус – о, горе! царевич не мог! – вздыхали и отводили глаза, ослепленные свадебным нарядом и сияющей прелестью ее волшебного лика. Волосы Шан Цот, черные как застывшая смола мубигала, впереди свисали до бровей ровною, будто подрезанною ножом, прядью, а сзади вздымались тремя непокорными волнами, собранными на макушке и покрытыми густой клакталовой сеткой. Одета она была в черную фарязовую кофту с глухим воротом, расшитую белыми и золотыми тиолями; на ее груди сверкали драгоценные амулеты и трехрядное альдитурдовое ожерелье; поверх кофты искрилась россыпью мелких тегаридов легкая чидьяровая накидка; из-под белой цинволевой юбки виднелись оборки полупрозрачных сатьяр и золоченые туфельки, украшенные серебряными бубенцами в виде едва раскрывшихся тиолевых бутонов. Лицо ее было белее, чем снег на вершине Галузы, брови изгибались как смертоносные луки, глаза, казалось, вобрали в себя все воды и бури Зеленого моря, губы раскрылись в улыбке, нежной как лепесток бирциды и победной как сияние рассветной звезды Караньяр. По правую руку царевны стояла давешняя бизиэра. Она шепнула на ушко Шан Цот последнее наставление и слегка подтолкнула ее навстречь жениху.

Празднество продолжалось положенным чередом. Все слова были сказаны, все обряды совершены. Солнце скрылось за крепостными стенами в самый разгар свадебного пира. Сумерки сгустились, но на площади не зажглось ни огонька до тех пор, пока не вспыхнул, как принято у миргальцев, единственный факел в руках Дац Дара, осветившего молодым дорогу в опочивальню. Как только провожатый вернулся и складно сообщил о том, что приблизился лум благополучного свершения главного дела между женихом и невестой, – от его факела по цепочке зажглись все факела и фонари, и на лицах пирующих заплясал мерцающий свет.

Не станем нарушать тайну брачных покоев и повествовать о радостях первой ночи Ур Фты и Шан Цот, промолчим о том, как царевна, распаленная премудрой бизиэрой, плела неумелые клидди, а царевич, обнаружив, что перед ним и впрямь несверленная саора, отважно кинулся в бой с афатовым дротом наперевес и вложил закаленный клинок в таранчовые ножны.

Скажем только о том, что черное вдохновение страсти, впервые отпущенной на свободу, не настолько затенило царевичу разумение, чтобы он забыл спасительные слова, заключенные в талисмане славного Нодала. Нежною дланью Ур Фта зачерпнул кровавую росу с раскрытого им бутона и омыл в ней слепые свои глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.